

ЕЛЕНА ДЖЕРО



ВСЯ ПРАВДА О

Елена Джеро

Вся правда о

«Издательские решения»

Джеро Е.

Вся правда о / Е. Джеро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835337-6

Действие последней книги Елены Джеро происходит в Риме, где автор работает журналистом и гидом-переводчиком. Виды, люди и истории Вечного города искусно вплетены в головокружительный сюжет романа. Доминик — хозяйка агентства «Вся правда о», которое ставит людей в ситуации выбора между пороком и добродетелью, — получает заказ на убийство. Отказаться невозможно, выполнить — тоже. Ситуация усугубляется тем, что знакомые и незнакомые люди вдруг начинают называть ее чужим именем и странно себя вести.

ISBN 978-5-44-835337-6

© Джеро Е.
© Издательские решения

Содержание

| | |
|---------------------------------------|----|
| Глава 1. Декорации, актеры и сценарий | 6 |
| Глава 2. Выпускание пороков | 11 |
| Глава 3. Билет на Марс | 21 |
| Глава 4. Кротовая нора | 33 |
| Глава 5. Вот она какая | 40 |
| Глава 6. Фантастическая псевдология | 47 |
| Глава 7. Я знаю, что вы задумали | 53 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 57 |

Вся правда о

Елена Джеро

Посвящается моему папе

© Елена Джеро, 2017

ISBN 978-5-4483-5337-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Декорации, актеры и сценарий

Если б мы возвращались в этот мир теми же самыми, как возвращаются одни и те же события, не минуло бы и сотни лет, как мы снова еще раз собрались все вместе, чтобы заняться тем же самым, что и теперь.

*Пролог комедии «Клиция» Никколо
Макиавелли¹*

– Все идет по плану, синьор Бьянки, рыбка уже всюду плавает вокруг нашей аппетитной наживки. Не волнуйтесь, заглотит в срок. Тут-то мы ее и выдернем из пучин порока прямо на первые полосы газет. Еще немного терпения, сенатор, совсем немного терпения! – воодушевленно закончила беседу Доминик и дала отбой. Улыбка еще с секунду провисела на ее лице, перед тем как губы сложились в трубочку. Уф-ф.

Весь центр стола был густо покрыт обрывками бумаги, словно приготовленными для папье-маше. Руки хозяйки консультационного агентства «Вся правда о» всегда принимали участие в процессе размышления, особенно активное в таких непростых случаях, как этот. Заказ сенатора никак не удавалось довести до конца. Несмотря на то, что подкорм его «рыбины» начался, с учетом сложности отлова, еще полгода назад, и на дело были брошены отборные силы.

Доминик всегда самолично продумывала тактику «рыбалки» в зависимости от типа своих будущих жертв. Одни не читали супружеской клятвы, другие не знали меры в вине, третьи были не очень чисты на руку. Встречались и такие, кого впору было переселять из бронированных апартаментов в центре города в места куда более отдаленные и намного сильнее охраняемые.

Но крайний срок выполнения заказа вырисовывался уже на следующей строчке календаря, а жена сенатора все не желала давать повода для газетной шумихи. И хотя жутко не хотелось возвращать шестизначный аванс, умом Доминик понимала, что это лучше, чем неустойка. Которую, если результата не будет в течение оставшихся шести дней, придется заплатить. Первый раз в трехлетней истории агентства, до сих пор не знавшего сбоев.

Останавливало от позорной капитуляции только одно – Джулиан был совершенно уверен в успехе, а он в рыбах женского пола разбирался хорошо. Даже у праведных особей умел отыскать ахиллесову пяту, маленькую слабость, на которой впоследствии удавалось построить большую игру.

Жена сенатора Франческа Тоцци как раз была из этой реликтовой категории невинных овечек. Или, лучше сказать, морских коньков. Воздушное существо 36-го размера со скрипкой в роли лучшей подруги и с жалостливым сердцем, благодаря которому число беспородных домашних питомцев в сенаторской резиденции неуклонно росло. Доминик язвительно подумала, что, вполне возможно, именно гавкающе-мяукающий хор и струнный аккомпанемент повлияли на решение банкира обратиться в агентство, но тут же отмахнулась от неконструктивных мыслей – глупо злиться на рыбу за то, что она не бросается на крючок. Гораздо полезнее понять, почему.

Одетые в алый маникюр пальчики постучали по вздернутому носику, несколько раз пробежались от виска к подбородку и обратно и, наконец, зарылись в пышный шатер платиновых

¹ Оригинал: «Se nel mondo tornassimo i medesimi uomini, come tornano i medesimi casi, non passerebbono mai cento anni che noi non ci trovassimo un'altra volta insieme, a fare le medesime cose che ora».

волос. Что же не так? Отчего до сих пор это иглообразное не лежит на ее тарелочке, приготовленное на гриле и сбрызнутое лимоном?

Соблазнитель был подобран достойный: высокий, живоглазый, непрестанно очаровательно краснеющий, с длинными музыкальными пальцами, держащими то янтарные четки, то томик Камю. Томик – потом, во вторую «случайную» встречу, так сказать, штрих к портрету, набросанному бегло на концерте Вадима Репина. Посадить рядом любителей классики было легко, а там уж дело за Джулианом, выписанным специально по такому случаю с парижских гастролей.

Актер идеально соответствовал роли – внешне умеренно похожий на мужа, манерами выгодно от него отличался. Иглообразное должно было влюбиться без памяти, ведь без любви положительные герои никогда не попадают в подходящие для желтой прессы позы.

Доминик удрученно вздохнула и посмотрела на часы. Черт, пять минут девятого! Нажала на кнопку соединения с секретарем, давая понять, что освободилась и можно запускать клиентов. В следующий миг пышная розоволицая женщина, похожая на сдобную плюшку, протиснулась в дверь и покатила к столу. Хозяйка кабинета встречала ее искренней улыбкой: последняя консультация на сегодня – ура!

Воскресенье считалось в агентстве самым «грибным» днем. И если в рабочие (для нормальных людей) дни заказчики были строго-костюмные и являлись преимущественно в одиночестве, воскресенье приводило клиентов группами по двое и более: супружеские пары, школьные товарищи, игроки футбольной команды. И все по выходному нарядные (кое-кто прямо из церкви, подумать только!). Даже странно, что Плюшка явилась одна.

– Синьора Сантини, о-очень приятно! Меня зовут Илария Карневали, я по рекомендации... Вы одной моей о-очень хорошей знакомой «Счастливый развод» делали... Не знаю, вправе ли я называть имена... – (Доминик кивнула, разрешая). – Наверное, лучше не надо... Муж у нее еще оказался этим... как его... ну, который в казино играет? Лудоблуд!

– Лудоман, – мягко подсказала Доминик.

– Ага, точно! Так она о-очень осталась довольна и на вас прямо не нахвалится! Да и то сказать, с таким лудомудом жить разве можно? Спасли вы ее, береги вас Господь от несчастья! Глядишь, и меня спасете! Ну где ты там застрял, Альфонсо?

Ага, значит, все-таки вдвоем. Из приоткрытой двери показалась сверкающая трость невидимого Альфонсо. Видимо, спасти Плюшку надо было не от него – Доминик семейные проблемы считывала, как рентген. Серьезных тут не имелось – муж, хотя и был вытянут в высоту и немного сморщен, все равно неуловимо напоминал жену (несомненное свидетельство сращения душ). Пирожное эклер, вот он что такое, определила владелица агентства «Вся правда о» и, протянув ладонь для рукопожатия, взяла беседу под свой контроль.

– Уважаемые синьоры, прежде всего... – Она слегка коснулась соединенных скрепкой листов с логотипом агентства – силуэт древнеримской богини Веритас², держащей факел в руке. – Соглашение о неразглашении. Независимо от того, подойдем ли мы друг другу, все сказанное в этом кабинете должно здесь же и остаться. Никаких «только лучшей подруге», брату, сестре или «святому отцу» (про святого отца Доминик недавно начала добавлять – после исповедального прецедента). Я же, со своей стороны, не побегу в полицию, если вы задумали кого-нибудь извести или покалечить. Но сразу хочу предупредить – мы убийствами и нанесением телесных повреждений любой тяжести не занимаемся. Кражей и порчей имущества – тоже. Никакого вымогательства, угроз, пыток и прочей уголовщины.

Она пристально посмотрела на обоих клиентов, однако криминальные помыслы на сдобных лицах не отразились. Лишь почтительное внимание.

² Веритас у древних римлян – богиня Правды, дочь Сатурна, сестра Юпитера, мать богини справедливости Теми и богини добродетели Виртус.

– Если вам нужно тщательно изучить документ... – начала Доминик.

– Время только тратить, – перебила синьора Карневали, – ваше драгоценное!

Схватив со стола ручку, она подмахнула все три страницы и передала договор мужу. Приходящих по рекомендации юридические формальности обычно не заботят – из чего напрашивался вывод, что рекомендатели, несмотря на подписанные бумаги, болтают больше нужного.

Чета пирожных знает, зачем пришла, констатировала Доминик. Их даже цена не очень интересует, хотя скидку выпросить постараются. Интересно, что там у них? Соседи, которых следует выжить? Нет, мелковато, разобрались бы сами. Скорее уж какая-нибудь Эклерова тетушка наследство собирается «неправильно» поделить.

И не угадала. Профитрольные синьоры пеклись за свое потомство. Илария предъявила фотоальбом с единственной дочерью Антонеллой в роли главной модели (симпатичный колобок), сопровождая происходящее на снимках пояснительными комментариями:

– Это Неллечка поет в церковном хоре – видите, в первом ряду, где солисты. Почти всех младше тогда была, ангелочек наш, ей тут восемь лет и три месяца. А вот она уже постарше, в конце шестого класса, на региональной химической олимпиаде, обратите внимание на медаль – за второе место, такого же цвета, как и за третье, я не знаю, о чем организаторы думали! А тут вот – вы перелистнули, вернитесь обратно – вот Нелли, с левого края – это она в «Скорой помощи» практику проходит, – потом легче на медицинский поступать. У них ведь как? Сначала шесть месяцев на машине отъездишь санитаркой, это по-любому, а после на выбор: либо в госпитале ишачишь два года, либо можно на полгода волонтером в Таиланд – вы не пугайтесь, это только называется волонтерством, там даже зарплату дают и проживание оплачивают. Неллечка должна через две недели улетать. Должна была, – Плюшка шумно втянула носом воздух и поджала губы, – если бы не этот...

«Этот» оказался старым (на шесть лет старше Нелли), никчемным холстомарателем (студентом Римской академии изобразительных искусств), к тому же сомнительного происхождения (вся родословная ограничивалась Калабрийским регионом). Из-за «чертова ндрангетиста»³ ребенок потерял покой, сон и способность к здравомыслию. Занятия в колледже пропускает. Ночевать не приходит.

Синьора Карневали оглянулась на мужа, и тот подтверждающе закивал:

– Матери грубит.

– Я думала, ладно, пусть поблажит перед отъездом, потом за тридевять земель уедет – позабудет Пикассо своего. Но теперь выясняется, что она собирается поставить крест на своем будущем – отменить Таиланд! Синьора Сантини, миленькая, вы – наша последняя надежда! Помогите, бога ради, не откажите, а? Ведь страшно подумать, что с девочкой будет! Всю жизнь – насмарку, нашу, свою...

Доминик понимающе покачала головой в такт горестно вздымающемуся объемистому бюсту синьоры Карневали – задача, мол, ясна. И точно выверенным тоном, в котором деловитости и желания помочь было ровно поровну, произнесла:

– У меня работают только профессионалы, так что мы со своей стороны гарантируем высочайшую реалистичность пьесы. Объект будет поставлен в ситуацию, максимально располагающую к проявлению его негативных черт. Однако вы должны понимать, синьоры, что существует – хотя и мизерная – вероятность, что жертва не ступит в вырытую нами яму, образно говоря. И в этом случае мы его толкать не будем. В нашем бизнесе главное – это честность, потому и называемся «Вся правда о». Но если он, подобно большинству наших «про-тагонистов» (так мы между собой называем объекты), выберет путь порока, то грехопадение окажется во всех подробностях зафиксировано. Фото, видео, звуковое сопровождение – зави-

³ Ндрангета – крупная организованная преступная группировка, происходящая из Калабрии.

сит от постановки. Или вы предпочитаете, чтобы Антонелла увидела весь ужас происходящего своими глазами?

– Своими глазами? Бедная девочка, она это не переживет! – схватилась за голову синьора Карневали, но тут же отняла руки: – Да, лучше своими глазами. А то еще оправдывать начнет, объяснения искать, так и простить недолго.

– Дорогая, может он еще и не... Может, еще и не будет чего прощать-то, – робко вставил супруг.

– Будет. Синьора Сантини, мы берем «глаза». Это сильно дороже?

Вот и все, дело в шляпе, переходим к скидкам и накруткам. За «глаза» и главное, за скорость – это в пьесе «Вся правда о Пикассо» основная сложность. До самолета всего неделя – семь дней на все про все: и чтобы протагониста изучить, и яму вырыть. Глубоких пороков, понятное дело, за такой короткий срок не нароешь, но они и не требуются: влюбленные девушки юного возраста не прощают своим избранникам только одного – других женщин.

Так что сценарий пока вырисовывался довольно простой: мастер-класс, переходящий в бурное празднование дня рождения, много хорошего алкоголя (от которого малоимущим студентам невозможно отказаться), дамы не из академии (кого командирuem, будет ясно после изучения вкусов художника).

Если главный герой достаточно расслабится, Антонеллу можно вызвать в партер прямо эсэмэской с его родного телефона. Ну а нет, так с неопределенного номера. Придет, увидит, убежит. Будем надеяться, в аэропорт. На всякий случай организуем и запасной вариант: любвеобильная натурщица. Тут уже пристрастия художника роли играть не будут. Меха, машина с шофером, квартира в Париоли⁴ – и наш живописец купится на приключение. Рассудит – такой счастливый случай раз в жизни выпадает, надо хватать.

В процессе грехопадения половина дела – обстоятельства, любила повторять Доминик. А что есть обстоятельства, если не декорации, актеры и сценарий? Ошибешься с декорациями – и главный герой будет только пялиться на них изумленно, вместо того чтобы играть предписанную роль. Ошибешься с актерами – и твоя «звезда», не пожелав делить с ними сцену, в возмущении уйдет. А если сценарий хромает – тут уж ни декорации, ни актеры не вытянут.

Но Доминик Сантини не зря закончила с отличием театральный институт – ни с актерами, ни с декорациями, ни тем более со сценарием она не ошибалась. Поэтому и пьесы ее имели головокружительный успех.

Не успели довольные родители Нелли покинуть кабинет, как дверь распахнулась снова.

– Хватить, хватить вкалывать! Баста! Сколько ж можно молодые годы на плантациях губить! – Секретарше Марии Фьоре синонимами работы служили разнообразные отрасли сельского хозяйства. С этими отраслями Мария до своего переезда в Рим была близко знакома. – Лучше б мушкетера хорошего искали, чем в этом свинарнике портки свои красивые протирать!

Личная помощница подняла недокинутый в ведро бумажный шарик и отправила по назначению. Дунула вверх на падающую на глаза челку, придирчивым взглядом чистюли оглядела кабинет, но больше ничего «свинячьего» не обнаружила.

Доминик наткнулась на Марию два года назад в маленьком театре «Квирино», где подыскивала время от времени новых актеров. Спектакль был неудачный, и девушка через четверть часа после начала потихоньку выскользнула за плюшевые портьеры.

Там-то, в пустом холле, имея в распоряжении всего лишь рабочий халат, стоптанные балетки да швабру с ведром, немолодая уборщица разыгрывала моноспектакль – идущую

⁴ Дорогой район в Риме.

на сцене пьесу. И как! Халат превращался в мантию, обувь становилась то солдатскими ботинками, то туфлями на шпильках, орудия труда заменяли собою второстепенных персонажей. Сама же актриса мгновенно перевоплощалась из леди в кокетку, и даже в солдата, что было особенно непросто, учитывая, что декламировать текст она могла только шепотом. Доминик предложила ей работу, не отходя от ведра (которое там навсегда и осталось).

Приобретение себя окупало – Мария превосходно играла весь спектр «провинциальных» ролей: «родственниц» с юга, домработниц, кухарок и даже один раз – послушницы женского монастыря. Параллельно неутомимая Фьоре выполняла и функции секретаря, может, поэтому с Доминик она практиковала амплуа «заботливой няни».

– Синьора Аличе уже обзвонилась, вас искаючи! – сообщила она, подавая хозяйке плащ. – А вы ей сто раз клялися не опаздывать! Она, между прочим, в выходной день свое родное семейство оставила, все ради того, чтобы вас повидать!

– Мария, у Аличе в Риме всей семьи – один муж.

– Во-о-от! И я про то. У нее-то есть.

– Мария!

– А что Мария? Слова доброго уже сказать нельзя! Молчу, молчу. Идите уже, я закрою.

Сметя в сумку со стола телефон, сигареты, ручки и ворох разнокалиберных бумажек (для записи внезапно приходящих в голову идей), Доминик процокала к дверям. Лишь перед зеркалом задержалась на секунду – глаза в порядке, подкрасить губы, поправить прядь – и вон из офиса.

Ресторан, в котором они с Аличе ужинали по воскресеньям, находился недалеко – если пешком, минут десять, однако езда по центру города в воскресный вечер займет в два раза больше. Доминик уселась в свой фиолетовый «Смарт» и принялась лавировать между гудящими автомобилями, снующими туда-сюда мотороллерами, отчаянными пешеходами, прыгающими под колеса, голубями, бросающимися на лобовое стекло, и плетущимися еле-еле туристическими автобусами с нетуристической рекламой.

Двухэтажная громада, в заднее колесо которой уставился на светофоре «Смарт», несла на себе радостный лик претендующего на второй срок премьер-министра. По совместительству – самого крупного клиента агентства «Вся правда о» и самой большой проблемы Доминик. Сенатора Сильвио Бьянки.

Своими черными с металлическими бликами глазами он смотрел с кормы автобуса прямо на Доминик. Тонкие губы разъехались в приязненной улыбке, чуть изогнутые брови идеальной ширины демонстрировали уверенное спокойствие. Это имиджмейкеры постарались – в начале карьеры брови сенатора напоминали крылья вороны, торчащие из переносицы.

Правой рукой премьер-министр показывал на старые часы, цепляющиеся за запястье вытертым ремешком, – как объяснялось в предвыборных речах, этот экземпляр «Персео» принадлежал его отцу. Марка была выбрана безупречно – часовой дом «Персео» поставлял карманные часы для работников итальянских железных дорог и футбольной федерации. Так что хронометр был родным для внушительной части избирателей, а для слишком молодых и тех, кто предпочитал другие марки, имелся слоган: «Наше время пришло!» Доминик и сама бы не придумала лучше.

Автобус свернул на площадь Венеции, пополнив собой разноцветную пробку. Сильвио здесь присутствовал еще на двух транспортных средствах в непосредственной близости от «Смарта». «Никуда от тебя не деться», – мрачно подумала Доминик, но в этот момент впердистоящая «Тойота» немного сдвинулась влево, и фиолетовый «умник» тут же втиснулся в просвет, повилял змеей между недовольно сигналящими джипами и полетел к театру Марчелло, напоследок мигнув сенаторам задним фонарем.

Глава 2. Выпускание пороков

Десять минут спустя Доминик уже сидела на вытянувшейся, словно фрегат, террасе под белым парусом-зонтиком. Площадь Святой Аполлонии, на которой располагался ресторан, хоть и относилась к крупному туристическому морю по имени Трастевере, но пряталась в расщелине между домами, точно бухта в окружении скал. Так что основные потоки туристов текли себе мимо, сюда попадали лишь случайные брызги.

Столик, выбранный Аличе, находился чуть в стороне от остальных. На скатерти стояла пока только вода – сначала надо было разобраться с делами. Детективное бюро, которое возглавляла подруга, работало со «Всей правдой о» уже не первый год. Именно оно добывало сведения о клиентах, организовывало скрытые съемки и подстраховывало актеров, если что-то шло не так.

Аличе нравилось сотрудничать «с театром». Заказы Доминик впрыскивали в ее сыщицкую кровь, по ее собственному выражению, «дозу неординарности», а риск добавлял дополнительный адреналиновый укол. Она даже иногда участвовала в спектаклях, правда, только в камео-ролях, всякий раз не забывая повторять лукаво, что единственная роль, какую способен сыграть любой бесталанный человек, – это самого себя.

Аличе вынула из висевшей на спинке стула сумки желтый конверт и кожаный пенальчик для табака. Конверт подвинула к Доминик и, скручивая папироску, – готовых сигарет она не признавала, – принялась комментировать содержащийся внутри скандал.

– К твоему сведению, его по-настоящему не Джанкарло зовут, а Джанпьеро. Конспиратор, ешкин кот. – Табак посыпался на полупрозрачную бумагу, разравниваемый безноготными пальцами. – Ну ладно. Дело я себе беру – братец его на самом деле вляпался везде, где не лень. Тут и долги, и наркотики, и порочащие связи – ничего даже придумывать не надо.

Сыщица разочарованно вздохнула и, проведя язычком по бумаге, склеила концы.

– Мужику, можно сказать, повезло. Имеется в виду со счетом, конечно. По жизни ему лучше пойти повеситься, не дожидаясь наших «добрых» вестей.

Она закрутила кончик самокрутки и подожгла. Несколько искр спикировали на обмотанный вокруг шеи черный шарф. Курильщица не отреагировала – когда дырочек на одежде становилось слишком много, она просто меняла гардероб.

– Почему повеситься? – поинтересовалась Доминик, заглядывая в конверт, полный снимков и ксерокопий. – Его цель как раз и была открыть отцу глаза на старшего брата. Или ты думаешь, здесь не хватит для прозрения?

– Здесь для инфаркта хватит. Папаша вроде на самом деле не знает ничего, сынок ему про неудачные инвестиции впаривает. Проблема в другом. Я заодно нашего Джанкарло пошерстила. И представь себе, не зря. Группа крови у него вторая, при мама-с-папиной первой и третьей... – Рассказчица многозначительно подняла брови, но понимание никак не проявилось на лице Доминик.

– Эх, гуманитарии, – выдохнула сладковатый дым Аличе. – Не может этого по законам биологии случиться. Или сын – не сын, или хотя бы один из родителей – не родитель.

– Как интересно! И тебе удалось узнать, кто именно этот неродитель?

Аличе самодовольно дернула носиком и затянулась, растягивая паузу.

– И так понятно, – догадалась Доминик, – отец. Поэтому старшему – любовь и финансы, а младшему – фигу с маслом. Несмотря на примерное поведение и успехи в учебе. И в работе, насколько я помню, тоже – он хвастался, что еще один магазин открыл.

Аличе фыркнула:

– Не интересно с тобой, Дом. Всю кульминацию мне сломала! А я, может, целый день ее репетировала!

Подруги весело рассмеялись и еще некоторое время шутливо передразнивали друг друга.

Подбежал молоденький официант, до локтей уставленный закусками. Аличе бывала здесь каждую неделю, и ее вкусы были записаны у шеф-повара на подкорке с пометкой «завсегдатаи». Доминик убрала конверт, чтобы освободить место для полудюжины распахнутых устриц и лежащего строя омаров. Объемистая салатница с сочными брокколи приземлилась в центр стола, рядом опустилось испускающее орегано-лавровый аромат соте из моллюсков. Золотистые кальмары закрепились последними, мудро выбрав место поближе к Аличе. Подруга при своей тщедушной комплекции ела за пятерых.

– М-м-м... Вкуснотища! – Аличе опрыскала лимоном устрицу и отправила в рот. – Не то, что твой «от кузин⁵» несчастный, не знаешь, что в рот кладешь! Проглотишь два грамма – заплатишь «два куска». Вот она, еда, какая должна быть, – она развела руками, словно хотела обнять стол, – простая, но качественная. Твое счастье, что у тебя есть я – хоть иногда поешь нормально.

Доминик улыбнулась, переложив к себе на тарелку двух последних омаров (остальные пять достались сыщице), искусно извлекла из панциря мраморное филе и отправила в рот.

– У меня, между прочим, теория есть про твою любовь к звездам мишлена, – продолжала подруга. – Это тебя голодное детство в люксы гонит. Самой себе постоянно должна напоминать: вот что могу себе позволить! Забыть хочешь бедность. Боишься ты ее. А я вот не боюсь!

– Ага. Что ж ты из розыска-то ушла? Тогда, мне кажется, ты тут не очень часто обедала.

– Ты думаешь, я из-за бабок, что ли? Нет. Там ведь как:ловишь всех этих уродов, а исправить уже не можешь ничего – они гнусное дело свое уже сделали. И не открутишь ведь время назад, не скажешь потерпевшим: «Бойся его, он плохой». Не спасешь. А мы с тобой – спасаем. Предсказываем зло. Можно сказать, исправляем будущее. Ведь если б мы сегодня не сняли со злодея маску, если б не раскрыли малое преступление, завтра было бы большое. Я так это понимаю. А ты?

Доминик задумалась, жуя брокколи.

– Не знаю, было бы преступление или нет. Мы поставляем правду о людях тем, кто хочет ее знать. Кстати, надо мальчика одного проверить – на предмет любовных предпочтений, ну и вообще. Я тебе вечером на мейл данные скину – это срочно.

– Насколько срочно? У меня свободных людей сейчас нет! – Аличе помотала головой и отложила вилку: – Хотя, в принципе, можно снять с Розанны.

– А что с ней?

– Кроме спортзала по-прежнему только «хор». В кино один раз сходила, одна. А еще купила морскую свинку. – Аличе сделала лицо «искреннее сочувствие убогим». – Короче, глухо, мать. Я, конечно, покопалась в прошлом, но мало что нашла. Лишь стрип-клуб в Нью-Йорке – из дорогих, – два месяца там плясала. Потом на родину вернулась. И все. Вряд ли большой босс на это поведется.

Доминик вытерла льняной салфеткой губы и прикурила тонкую палочку «Вог». Дело это было необычным с самого начала. Большой босс, сиречь владелец издательства «Феникс», вместо того чтобы назначить на освободившуюся должность главного редактора свою бессменную правую руку (синьору Клаудию Волпе), неожиданно продвинул левую (синьорину Розанну Паскуале), чем обеспечил агентству «Вся правда о» новую клиентку.

И дело было вовсе не в том, что синьорина привлекала начальство летами или обличем, а в том, что босс в последний год сделался очень набожным, и знание Библии превратилось в критерий отбора персонала. Тут у многих нарисовались проблемы, и синьора Клаудия не исключение – по частоте походов в церковь синьорину Розанну было не переплюнуть.

⁵ Haute cuisine (фр.) – кухня «больших» заведений, изысканных ресторанов и роскошных отелей по всему миру.

Однако старая лисица⁶, по ее собственным словам, «нутром чуяла», что Розанна – не такой аленький цветочек, как думает босс.

Жаль, что кроме «нутра» аргументов у нее против синьорины не нашлось. Попытка агентства навести объект на душевный разговор в джакузи тренажерного зала с засланной актрисой, разумеется, бесславно провалилась. А нового плана пока не было. Доминик вздохнула.

– На «бородатый» стриптиз точно не поведется. Он сам лишь недавно к Господу обратился – поди, лишнего нагрешил. Наоборот, факт давних ошибок их только сблизит – две заблудшие души, сумевшие найти путь истины. А вот если...

Доминик потянулась за салфеткой и не спеша оторвала кусочек: хрясть. Аличе подалась вперед.

– Если устроить в спортзале шоу-маскарад... – Хрр-я-ясть. – Представь себе: все в масках и в культуристических костюмах – минимум тряпья, правильно? В программу вечера в качестве сюрприза внесем стриптиз... – Хря-хрясть. – Стриптизерши активные, стриптизеры – тоже. Будут наших спортсменов развлекать и подогрывать. Синьорина Розанна на тренажерах потеет не просто так – тело свое красивым сделала, а показать некому. Вот и покажет, вспомнит золотое прошлое, тем более в маске. – Хрясть!

– А если нет?

– Предоставим заказчице свидетельства, что нет. Не поддалась, мол, соблазну синьорина, чиста перед Богом и боссом. Только сдается мне, что не устоит она – в стриптизе, знаешь ли, не от голода танцуют, а по зову сердца.

Белые квадратики полетели в пепельницу.

– Дом, ты гений! Я это всегда говорила! – Аличе хлопнула в ладоши и сделала знак официанту принести, наконец, вина.

С бутылкой явились тарелки с зеленой от спаржи пастой и блюдо похожих на платочки равиоли с рикоттой в томате. После второго платочка Доминик поняла, что пора сдаваться – иначе не будет места на десерт. А подруга уничтожила еще и огромного лобстера по-каталански с картошкой и помидорами черри. И все сельдерейные колечки повылавливала.

Он появился уже ближе к концу панакотты. Белый костюм. Белая рубашка. Белая шляпа в руке. Белые волосы скользнули на лицо, когда он наклонил голову. А когда отбросил их, вынырнули глаза – синие-синие, как камень на левом мизинце. Морщины были, много, но лицо совсем не выглядело старым, может быть, потому, что выражение было озорным, мальчишеским.

– Добрый вечер, дамы. – Голосу можно было дать максимум сорок лет. – Синьора Вазари, годы рисуют только румянец на вашем лице. И полысеть мне на месте, если вы сменили сорт табака! О нет, все тот же Bali Shag, вкус благородных амбиций. В нашу прошлую встречу я говорил вам, инспектор, что постоянство противно природе, однако существует несколько исключений, и марка табака – одно из них.

– Уже не инспектор, – поправила Аличе, – на вольных хлебах.

– Рад. Искренне рад. Мне всегда казалось, что погоны вам жмут... Не представите ли меня вашей спутнице?

Сыщица повернула к Доминик лицо с припечатанной улыбкой.

– Доминик, познакомься, принц Рокка.

⁶ Игра слов: «волпе» (volpe) по-итальянски значит «лиса».

– Альфредо, – протянул руку Белый принц. Ладонь оказалась гладкой и прохладной. – Невероятно приятно. Вы, я предполагаю, приехали к нам из страны шампанского и бордо?

– Урожденная итальянка. Просто родители обожали Доминик Лаффен.

– Скажите ей, что я ее люблю! – не отводя взгляда от Доминик, продекламировал Альфредо.

– Что, уже? – закашлялась сыщица. – Поздравляю.

Доминик прыснула:

– Аль, это фильм такой, она там играет с Жераром Депардье и...

– Миу-Миу, – закончил принц с улыбкой.

Вот ведь история – он здесь пару минут, а уже кажется, есть между ними что-то общее, принадлежащее только им. Ну кто еще сейчас помнит Доминик Лаффен? Выдернув себя из зачарованного ступора, молодая женщина произнесла:

– Но в отличие от родителей, мне это имя не по душе.

– Имя значит в жизни гораздо больше, чем нам представляется, придает ей определенное направление, я бы сказал. Могу ли я узнать, чем вы... Пойдите-ка... Ваше лицо мне знакомо, никак не вспомню точно, в каком контексте... Проклятая память...

Доминик улыбнулась.

– Я все равно уже не там. Работа ведь не должна быть постоянной, не так ли?

– Работа не должна быть скучной. Как и жизнь. Иначе – зачем? Но вам, милые дамы, мне кажется, скука не угрожает.

– Вам тоже, принц, хотя род вашей деятельности был и остался для меня загадкой, – вставила Аличе со значением.

– О, ничего загадочного, мою деятельность можно обозначить как искусство. Скульптура – будет точней.

– И что же вы ваяете, маэстро?

– То же, что пытаются ваять все мастера. Душу.

Скульптор понизил голос и сощурил сверкающие глаза, но тут же вышел из мрачной роли:

– Не смею больше отвлекать вас. Несравненная Аличе, могу ли я получить ваши новые координаты? Надеюсь, вы помните, что в моей жизни всегда есть калитка для вас.

И, спрятав протянутую визитку во внутренний карман пиджака, почтительно прижал к груди шляпу и откланялся. Обе женщины смотрели ему вслед. Неожиданно он щелкнул пальцами и обернулся:

– Зря вы бросили театр, синьора Сантини!

Вспомнил все-таки. Аж в груди потеплело.

– Как же, бросила она театр, жди, – пробурчала под нос Аличе, разливая по бокалам вино. – Свой открыла! Давай, Дом, за театр!

Подруги выпили. В голове Доминик еще звучал веселый голос. Вот есть люди, после встречи с которыми хочется смеяться и петь. От других, наоборот, становится кисло в животе. А от принца послевкусие было волшебным, будто с тобой только что говорил герой книги.

– Он что, правда скульптор? – спросила она подругу, раздумывая, не привлечь ли его к мастер-классу для «ндрангетиста».

Бывшая инспектор с сомнением пожала плечами:

– Вряд ли. Наверное, в переносном смысле сказал. Черт его знает, кто он на самом деле. Гроссмейстер – так его называют в определенных кругах.

Сведений о Гроссмейстере у уголовного розыска было немного. От унаследованных от сиятельных родителей титула и небольшого состояния остался только титул. Ходили слухи, что все средства он потратил на благотворительность. По крайней мере, на тот момент, когда Аличе работала в органах, никакой недвижимости и даже автотранспортного средства на принца Рокка записано не было. Зато он был вхож в дома самых влиятельных людей страны.

– Возможно, из-за титула? – предположила Доминик. – Многие привечают голубокровных нахлебников. Украшение стола и дома, так сказать.

– Нет. Нахлебники – лебезят, пресмыкаются. В случае принца лебезят перед ним. Поговаривают, что вроде он решает неразрешимые проблемы или оказывает эксклюзивные услуги, но какого рода – сказать трудно.

Близкое знакомство инспектора Вазари с носителем голубой крови произошло, когда расследовалось дело одного из финансовых столпов страны. Столп был не против поделиться сведениями, которых от него добивалось правосудие, однако опасался не дожить до суда.

Правоохранительные органы его опасения разделяли и предлагали конспиративную квартиру с дюжиной карабинеров в придачу. Но столпа ни квартира, ни карабинеры не устраивали. Единственным условием, при котором он соглашался открыть рот, было присутствие принца Рокка. И принц согласился, по его собственным словам, только лишь ради синьоры Вазари. И весь процесс сидел в зале суда на почетном месте, играя в шахматы сам с собой.

– А после вынесения вердикта он подошел ко мне, поблагодарил за отличную работу и пригласил на кофе, – закончила Аличе с болью. – А я, как ты понимаешь, не пошла.

– Может, еще не поздно? Он сказал, у тебя есть калитка в его жизнь! – пуча глаза, проворковала Доминик.

Подруга усмехнулась:

– Ага, а толку? Мягко стелет, да только где спать? Фасад красивый, но для лавстори⁷ фасада маловато. Гораздо важнее, что внутри!

Доминик аж на стуле подпрыгнула. Вот же оно! Вот чего Джулиану не хватает! Внутренностей! Роль он читает не хуже принца, декорации на сцене правильные, а за сценой-то что? Аличе абсолютно права: нужно продемонстрировать серьезность намерений – то есть показать, где спать! Эх, жаль, подружка эту золотую мысль раньше не озвучила. Хотя как бы она могла, не зная темы? К заданию сенатора Доминик детективов не привлекала – сенатор лично представил всю информацию. Да и зачем в таком деле лишние люди?

Но сама-то, сама-то какова! До такой простой вещи не додумалась! Практика потому что отсутствует, сказала б на это Мария, разучилась совсем мушкетеров искать!

– Хотя, знаешь, может и стоит, – прорезался в ушах голос подружки. Видимо, размышляя, Доминик ненадолго отключилась.

– Что стоит?

– Закрутить с Альфредо роман. А что – ему можно, а мне почему нельзя?

– Кому можно?

– Муженьку моему дорогому. Совсем уже с турбин съехал. Раньше, еще когда сопродюсером был, пару раз в месяц ночевать не являлся – типа он в командировках. А теперь пару раз в неделю является, козливо! Вроде у них аврал, предвыборные дебаты они, видишь ли, освещают. Электрики, ешкин кот! – Аличе сплюнула в пепельницу табачные крошки. – Говорю тебе, Дом, там точно какая-то баба. Разводиться, блин, давно пора!

За ближними столиками заоборачивались.

– Стой-стой-стой! – Доминик подняла руки ладонями вперед, огорошенная заявлением подружки. – погоди разводиться! Я знаю Серджио, он любит тебя!

Аличе только рукой махнула со вздохом:

– Уф-ф.

И вдруг оживилась:

– Слушай, а давай нам «Счастливый развод» устроим! Я тогда хоть квартиру у него оттяпаю! А при хорошем раскладе – еще и загородный сарай! Девочек зашлем, устроим клубничку, снимочки такие подготовим, что суд ему одни подштанники оставит.

⁷ Love story (англ.) – любовная история.

Доминик, положив подбородок на кулак, покачала головой:

– Аль, ты же знаешь, мои актрисы дальше поцелуев не заходят, так что ты эти глупости с клубничкой оставь. И потом, Серджио наши методы знает и в здравом уме ни на каких девочек не клюнет!

– Правильно, в здравом не клюнет, – согласилась сыщица. – Ну так мы ему клюнуть-то поможем!

– В каком смысле «поможем»? – не поняла Доминик.

– В прямом. Отключим мозги, потом и не вспомнит, что было, чего не было...

– В каком смысле «отключим»?

– Ой, только сестру Розанну из себя не строй! Ты что же думаешь, все самостоятельно во все тяжкие бросаются? Ошибаетесь, синьора, отнюдь не все. Некоторым приходится фитиль запаливать. Да ты не бойся, мы тяжелыми вещами не балуемся, так, ерунда всякая: рогипнольчик там, кислота. Колесико в бокальчик, и поехали!

В глаза словно вставили темный фильтр. В висках пульсировало горячим. Руки вцепились в бокал, но стекло сделалось размытым и тусклым, будто в нем изменился состав молекул. Так же, как изменялись сейчас частички мира Доминик. Медленно, по слогам, не в состоянии отвести взгляд от бокала она проговорила:

– По-че-му?

– Потому что время идет, Дом, вот почему! Клиенты, – по крайней мере, большинство, – не могут себе позволить ждать месяцами, пока протагонист отелится! И мы тоже. Если б не твои развлекательные мероприятия, мы бы вообще в минусе были! Ты сколько с одной вечеринки в среднем имеешь? А со среднего клиента? То-то и оно! Причем, заметь, на вечеринку затраты минимальные, а на спектакли – прямо «Ла Скала»⁸ каждый раз! Простая арифметика, дорогая моя, один плюс один!

– Но как же... – Бокал уже стал немного стекляннее, но ночь еще не прошла. – Значит, все – неправда...

– Ой, ну во-первых, не все, а какая-нибудь четверть. А во-вторых, почему сразу – неправда? Протагонисты все равно бы свой шаг в пропасть сделали, ну так какая разница – чуть раньше, чуть позже?

Доминик оторвала глаза от бокала и опустила на скатерть. Красное пятно, еще, еще – от Аличе к ней протянулся петляющий красный путь. Кровавая дорожка, которая две минуты назад была капельками соуса. Каких-то две минуты назад все еще было хорошо! Доминик зажмурила глаза. Нет, не было. Она думала, что происходит одно, но выясняется, что происходит совсем другое.

– Как же ты не понимаешь, это неизвестно! Они могли НИКОГДА не сделать этот шаг сами! Выходит, мы им жизнь ни за что сломали!

– Тоже скажешь – сломали! – фыркнула отступница. – Подкорректировали слегка – впредь умнее будут. А может, и праведнее. Да только нам-то что с того? Они ведь не наши клиенты. Мы о наших клиентах думать должны, вот их мы и спасаем.

– От чего?

– От чужих пороков. А пороки, дорогая, есть у каждого, так что пусть тебе не кажется, что мы невинных людей гнобим.

– Именно, невинных! Иметь порок – это еще ничего не значит, но выпускать его на волю – вот что ужасно!

– Да? В таком случае ты со своим театром именно выпусканьем пороков и занимаешься!

⁸ Оперный театр в Милане, один из наиболее известных в мире.

Легким вдруг перестало хватать воздуха, как в слишком натопленной комнате. Захотелось вырваться оттуда, убежать подальше и дышать, дышать. В горле как будто тлели угли, но залить их вином означало бы лишь разжечь огонь.

– Мне надо подумать, – сдавленным голосом сказала Доминик, – сможем ли мы продолжать работать вместе.

Встала и, бросив на стол зеленую бумажку, пошла к выходу. Уже спускаясь с корабля по лестнице-трапу, слышала, как Аличе просит у официанта кофе с кокосовым печеньем и счет.

Дышать нормально снова получилось только в машине. Мозг, словно сломанный граммофон, проигрывал недавний разговор, перепрыгивая с одной реплики на другую.

«Жизнь ни за что сломали», «потому что время идет» и десятый раз иглу заедало на жутком «выпусканием пороков занимаешься», «выпусканием пороков».

Гудки сразу нескольких машин... Доминик очнулась – зеленый. Шарахнула по рулю сердито – глупо! – и резко рванула. Перед рельсами даже не затормозила – проскакала, как на родео, прикусила язык.

«Ничего, – повторяла себе. – Могло быть хуже. Могла быть не четверть клиентов, например, а половина. Средства отключения мозгов могли быть и пострашнее. Так что, в общем и целом, даже повезло». Но вместо радости по поводу малых потерь (малых?!) Доминик чувствовала лишь прилив злости. Как она могла? Как?! Что теперь делать? С работой, с Аличе и нечаянными жертвами! Как исправить?

Мимо пронесся айсберг Сломанного моста. Королевская чайка, взмахнув широкими крыльями, взмыла с неровного бортика и улетела из зеркала заднего обзора. А может, ничего уже не исправить? Как этот мост, который когда-то гордо именовался «Понте Эмилио», а ныне превратился в единственную арку с кардинальской стеммой, поросшую дикой травой. Сколько раз его чинили, латали, укрепляли, но он все равно разрушался – из-за сильного в этом месте хода воды. В итоге рядом возвели новый мост – Понте Палатино, крепкий, правильный... Только где взять правильную Аличе?

Так и думала про мост до самого дома. Злость таяла с каждым километром, зато в мысли проросла грусть. У самого подъезда – о чудо! – обнаружилось достойное место для парковки, но, вписавшись в пространство «боком», Доминик не спешила выходить из машины. Свет в кухне она заметила еще издали и специально оттянула момент на две сигареты – так не хотелось подниматься домой. Может, спит? – понадеялась. И ошиблась.

Прямо у входной двери завитками, будто раздутыми ветром, кучились лепестки роз. Особенную любовь к цветам Доминик никогда не испытывала, однако следовало признать, что на полу они смотрелись лучше, чем в вазе. Хотя бы отвлекали взор и мысли от молящих о покраске стен. Алая тропинка звала в ванную комнату, и хозяйка дома, скинув туфли, зашагала по нежному покрову.

В ванной играла негромкая музыка – Доминик специально встретила прямо в постамент джакузи непромокаемую установку. С другой стороны был бар. Одна из бутылок виски перекочевала оттуда на бортик ванны и сейчас блестела в пламени дюжины свечей. Неподалеку переливался бликами толстодонный стакан. Наполненный на палец, он медленно вращался в мужской руке, торчащей из-за газеты.

– Как прошел ужин с моей женой? – Листы «Ла Републики» с шуршанием спланировали на пол, и Серджио медленно поднялся из пены, разводя руки для объятий. Мыльная вода выплеснулась на мраморные плиты, разбрызгивая запах ванили. Чтобы поцеловать похожего

на медведя великана, пришлось встать на цыпочки – даже будучи существенно выше подруги, Доминик доходила ему до плеча.

– Ой, не спрашивай. Между очень плохо и ужасно.

Мокрые пальцы Серджио начали отковыривать верхнюю пуговицу на блузке.

– Начни с ужасного.

– Мы вряд ли сможем работать вместе.

Еще две пуговицы освободились из петель. Рука скользнула в расширившийся вырез.

– Жаль. Но может, и к лучшему. А что плохого?

Тонкая ладошка Доминик размазала холмики пены по богатырской груди.

– Хочет с тобой разводиться. По причине предполагаемых измен.

Последняя пуговица сдалась, и промокший шелк соскользнул на мрамор.

– И оставить тебя без трусов... – Пальчики резво спустились вниз по кубикам живота. –

Что, в общем-то, несложно.

– Спасибо-о-о-о, что предупредила, – застонал медведь, наклоняясь к длинной шее. Холодные капли воды спрыгнули с мокрых волос и побежали по спине, пробуждая волны мурашек. Горячие губы подбирались поцелуями к груди:

– Ничего. Не. Получит. Я. Приму. Превентивные. М-м-меры.

– Только попробуй, – шепнула она чувственно ему в ухо, – и я буду помогать ей. Она пока еще моя подруга.

Измученное лицо Серджио вынырнуло из ее междугорья и две пары глаз вцепились друг в друга.

– Подруга? Твоя? Ты серьезно? А мы тогда что здесь делаем?

Бледно-голубые глаза Доминик в свете свечей казались черными.

– То, что никому не приносит боли. А если никто не страдает, что в этом плохого?

Ноготки чуть надавили на кожу и замерли. Мужчина задержал дыхание.

– Ничего... Все...

Огромные лапы подхватили женщину и окунули в воду. «Юбку придется выбросить», – пронеслось в голове. В следующий миг туша зверя навалилась сверху, и больше Доминик не думала ни о чем.

Через два часа, когда Серджио, по обыкновению, закрутился по кровати, всхрапывая и наматывая на себя простыню, она выскользнула из-под мохнатой лапы и переместилась в кухню. Сон все равно не шел. Прикурив сигарету, Доминик открыла окно и уселась с ногами на подоконник.

Ночь пахла цветущим выюном и вечностью. Днем так не пахнет – от улья, в который превращается центр, несет выхлопами и раскаленным асфальтом. Когда-то в светлые часы здесь пахло лошадьми и сеном. Еще раньше – войной и пылью. И только после заката Рим во все времена одинаков – молчаливый, неподвижный, Вечный.

В просвет между домами выглядывал Амфитеатр Флавия в огненной подсветке. Доминик, в отличие от многих жителей города, любила его и никогда не называла «Колизеем». Для нее это был Театр, с режиссерами, актерами и зрителями, только спектакли там шли по-настоящему. Доминик закрыла один глаз и вытянула вперед руку – он помещался между двумя пальцами, этот Большой Театр.

И сразу стало легче. Появилась уверенность, что с возникшей ситуацией она справится, как и с другими. В жизни все относительно, включая величину проблем.

Все еще улыбаясь, она сделала себе бутерброд. Надо заканчивать, конечно, с ночным обжорством! Или хотя бы есть творог вместо прошутто! «Завтра точно куплю!» – дала себе

Доминик еженощную клятву, и с бутербродом в руке переместилась к столу, чтобы разгрести горку накопившейся почты.

Между просроченными номерами «Ла Республики» (с каракулями Серджио там и сям – новости были его неиссякаемой страстью) прятались разноразмерные конверты. Извещение из банка о возросших процентах – в ведро, коммунальные счета – сколько?!? А, это за прошлый квартал, из-за обогрева, наверное. Ладно. Рекламный проспект из «Важных людей» – летний каталог. Хм, недурно, вот это фиолетовое платье – особенно. Надо будет заехать. В ведро. А это что?

Доминик надорвала палевый конверт и вынула тисненное приглашение-раскладушку. Внутри золотыми буквами сообщалось, что во вторник, 22 мая, Первый министр страны, кавалер ордена Республики сенатор Сильвио Бьянки и сиятельная супруга Франческа Тоцци имеют честь пригласить уважаемую синьору Сантини на торжественный вечер по случаю инаугурации виллы «Галатея» в парке Вейо.

Ох, в свете последних известий невыполненный заказ совсем из головы вылетел. Вот черт!

Инаугурация новой виллы значилась в списке мероприятий с участием жены сенатора, но не привлекала внимание Доминик – к 22 мая ее работа (точнее, работа Джулиана) должна была быть уже выполнена. Однако в свои стратегические расчеты заказчик синьору Сантини посвятил – чтобы прониклась важностью задания.

На первый взгляд, демонстрация избирателям личных богатств, да еще таких огромных, была ошибочным шагом. Да еще за несколько дней до выборов. Да еще при проигрыше в двенадцать процентов новому претенденту на итальянский трон – демократической партии. В лице «этого прохвоста», как сенатор именовал ее лидера, Марко Либерати.

Никто из политической братии не верил, что у действующего премьер-министра есть шанс победить конкурента. Но Доминик верила. Да что там – знала точно! Виллу под гром фанфар и молнии фотовспышек любящий муж преподнесет в подарок жене. Однако не успеет еще смолкнуть народный глас скрытой зависти и показного восторга, как на всех передовицах появятся непреложные свидетельства супружеского предательства. Со стороны жены! Неслыханно – в первобытно-маскулинной Италии. Рогоносец! Это вам не Хилари Клинтон, кидаящаяся на амбразуры телекамер, не Сесилия Саркози, из брендспойта поливающая грязью провинившегося муженька.

Это Отелло. Эмоции у избирателей будут разные – от жалости до злорадства, но результат один – проголосуют. Поддержат. Спасут сурово-скорбящее мужское лицо.

Ну а Дездемона? С Дездемоной сенатор разводиться не собирался, по крайней мере, пока этого не потребуют правила политической игры. «Не волнуйтесь, Франчи не будет в обиде, – заверил заказчик Доминик, – виллу я при любом раскладе оставлю ей».

Только одно было непонятно и странно: зачем она понадобилась сенатору на празднестве? Совершенно излишне афишировать их знакомство, тем более перед выполнением заказа. Женщина покрутила открытку в руках. На обороте обнаружилась синяя дописка размашистым, живым почерком: «Дорогая Доминик! Буду счастлив видеть вас. Алессандро Росси».

Ах, вот оно что! Приглашает маэстро! Все никак не оставит попыток привлечь ее сердце и другие части тела к своей персоне. А персона была, надо признаться, интеллигентная, нестрашная и со всех сторон положительная. Может быть, именно это Доминик и отпугивало.

Пару раз они вместе ходили в консерваторию и на выставку его любимого художника Сандро Кия. «Видите, в его картинах элементы совершенно разных стилей – барокко, футуризма, сюрреализма, – нудил архитектор. – Это называется программный эклектизм. Яркие, громкие композиции, и вместе с тем есть в них какая-то ностальгия».

На тему искусства мог говорить часами. На другие, по крайней мере, с ней, он не говорил. При взгляде на архитектора создавалось впечатление, что в свободное от зодчества время тот

увлекается бабочками. Очень уж ярко представлялся на лугу с сачком и блуждающей улыбкой. Ну вот как с таким ангелом можно заниматься чем-то человеческим? В джакузи, например! Или в бассейне – у него на вилле.

Доминик хохотнула. И вдруг сползла на стул.

Жилище Алессандро, двухэтажный особнячок, она видела в дизайнерском журнале – и сама была бы не прочь пожить в таком! Не громоздкий, светлый, нарядный, но в то же время очень функциональный: все подчинено одной цели – служить хозяину. Предполагалось, что вилла послужит и в деле оболыщения Доминик, однако предмет воздыханий отказывался приходить в гости. До сих пор отказывался. А теперь захотел, – почесала подбородок архитекторская мечта. Пальцы вернулись к приглашению и начали свой кромсательный ритуал.

Ангел виллу на один вечер щедро одолжит – особенно если будет с ней в это время. Франческу заполучить несложно – объявим светский раут, а приедет она одна. Свечи, музыка, цветы – идея Серджио насчет лепестков, кстати, неплохая, – и гостя почувствует себя принцессой!

Да, точно, именно бал для двоих – факелы от дороги, скрипача добудем или даже небольшой оркестр... Нет, лучше – никого, чтобы не спугнуть. А вот привезти манекены и загнать во двор немного машин – продемонстрировать, как ухажер заботится о ее добром имени, – обязательно! Этот пункт окончательно растопит сердце принцессы, и она, наконец, подарит Джулиану долгожданный поцелуй! И прекрасных фото будет много.

Доминик выпустила из рук оборванное по периметру приглашение и беззвучно зааплодировала сама себе.

Конечно, еще следовало решить, кому поручить съемку, если не Аличе, но это уже детали. Главное – сюжет готов!

Сценаристка, пританцовывая, вернулась к холодильнику и одну за другой кинула в рот пять шоколадных плиток. Заслужила!

Глава 3. Билет на Марс

Проснулась Доминик поздно. Окно транслировало облачность с низкой вероятностью дождя. Записка на подушке сообщала, что Серджио убежал освещать выборы и предлагала ужин в японском стиле. Интересно, он японский ресторан имеет в виду или суши с обнаженного тела?

В любом случае идею придется отклонить: и без того возникшее ни с того ни с сего маленькое приключение грозило теперь перерасти в нечто большее. Первый петух предостерегающе прокашлялся, когда любовник вошел в квартиру в отсутствие хозяйки. Она в тот день задержалась на «спектакле», и он открыл дверь своим ключом. В прямом смысле своим – год назад Доминик купила у них с Аличе эту квартиру и с тех пор так и не поменяла замок. Второе «кукареку» раздалось, когда традиционные «шампанское и шоколад» превратилось в шампанское и заполненный Серджио холодильник. И вот теперь третье предупреждение: частота свиданий поднялась на максимальный уровень «каждый день».

Так и в самом деле до развода недолго. Не приведи Бахус, конечно. А ключ следует экспроприировать – в ее доме мужчины всегда были только гости, так это и должно оставаться. По крайней мере, пока не появится партнер по жизни. А Серджио – точно не он.

Она сварила кофе. Номер Алессандро нашелся не сразу – надо было имя в телефонной книжке писать, а не «Ловец Бабочек».

– Пронто! Б-б-бонджорно... Это правда вы? Неужели... Нет, разумеется, рад, просто неожиданно... Придете? Серьезно? Благодарю вас, Доминик!.. А? Работаю, да... О нет, не прямо сейчас... Совершенно не мешаете!.. Что? Как? Э-э-э... Съёмки фильма... Ага... Когда? А-а-а, понятно... Что вы, ну какие деньги! Не стесните, абсолютно точно! Меня и дома-то не будет в этот день – я в Лондон после инаугурации улетаю. Я вам оставлю ключи. Уверю вас, это наоборот – радость! Скажите, когда вам удобно... О господи! Конечно, подходит! Виа Аппия Антика⁹, двести двадцать «эс», вы записываете? Не перепутайте, «эс»! За монастырем направо, а?... Найдете... Тогда до скорого! Буду ждать!

И всех делов. Не зря говорят: все гениальное – просто. Виа Аппия Антика – это же замечательно! Там же исключительно потомственные Рокфеллеры обитают по соседству с Онаси-сами – голова сенаторши сразу успокоится. А сердце от сказочного пейзажа растает – древние надгробия, кипарисы до неба, сточенные миллионами ног двухтысячелетние булыжники...

– Чертовы булыжники... – ругалась себе под нос Доминик спустя сорок минут. «Смарт» качало из стороны в сторону, словно лошадь на неровной дороге. А каково седоку!

Народу по случаю понедельника на Старой Аппиевой дороге было раз, два и обчелся. Причем «раз» пробежал с собакой где-то километр назад (самый медленный в жизни Доминик), а «два» как раз приближался на велосипеде по параллельной булыжникам тропе. Может, объехать по ней это каменное болото?

Она подождала, пока рыжий велосипедист без каски протащится мимо – ну давай уже быстрее, червяк! – и влезла передним колесом на бордюр. В зеркале заднего обзора рыжий спикировал на траву.

«Вот для чего каска нужна, дуралей!» – посетовала Доминик. Больно, наверное. «Смарт» уже вскарабкался на обочину всеми четырьмя «копытами», а рыжий все не вставал.

– Эй, парень! Ты в порядке? – крикнула Доминик в раскрытое окно.

Тишина. Черт. Заглушив мотор, женщина выбралась из кабины и поспешила назад. Рыжий при ближайшем рассмотрении оказался совсем юным мальчишкой. Он лежал на спине с закрытыми глазами, неловко вывернув руку под спину. Черт, черт, черт!

⁹ Via Appia Antica – Старая Аппиева дорога (ит.)

Медицинские познания в голове Доминик ограничивались случаями приема аспирина. Может, это обморок у него? Но вроде бы при обмороке бледнеют, а лицо велосипедиста было пунцовым. На всякий случай она легонько пошлепала паренька по щекам, уговаривая оклематься. Потом, стараясь не отвлекаться на бухающее в ушах собственное сердце, приложила пальцы к горячему запястью – пульс был. И что делать в таких случаях? Да просыпайся же!

Пока бегала в машину за телефоном, мальчик вроде бы даже побледнел. Этого еще не хватало! Доминик бухнулась на колени и, глядя рыжие кудряшки левой рукой, правой набрала 118. Ничего. 118 – гудков нет. Да что же это! Поднесла аппарат к самым глазам – сеть отсутствует. Черт!!! Влево-вправо головой – никого! Что же делать?! Вдох-выдох, вдох-выдох. Зажав бесполезный телефон в зубах, Доминик просунула руки под колени и спину и с мычанием подняла безвольное тело. Ого, а вроде худеньким казался!левой-правой, левой-правой, вот уже открытая дверь. Протолкнув бессознательного через водительское кресло на соседнее, она выплюнула телефон и часто задышала ртом. Куда? Куда? Думай! Ближайшая больница? «Рома-что-то-там», – на той неделе забирала оттуда подвернувшую ногу Аличе!

Память еще не закончила кино о визите, а мотор уже взревел, маленький конь развернулся и понес своих седоков к шоссе во весь опор. Придерживая рыжую голову одной рукой, водительница виртуозно крутила поводья, прыгая с обочины на проезжую часть и заскакивая обратно. При выезде на человеческую дорогу ждал затор – к черту двойную сплошную! Доминик вырвалась на встречную и погнала – к трем красным светофорам, шести подрезкам и чудом спасшемуся мотоциклисту. Последний перекресток был буквой «Т». Машины с боков уже поехали, но на противоположной стороне дороги плавно закрывались электрические ворота под вывеской «Рома-мед».

Отняв руку от мальчишкиного затылка, Доминик что было мочи шарахнула по гудку и прошмыгнула между разномарковыми смертями прямо в закрывающуюся щель жизни. И с противным скрежетом вылетела с другой стороны – правое зеркало осталось снаружи. А с крыльца уже бежали люди в зеленой одежде. Мальчонку враз переложили на носилки – живой! – и принялись допрашивать Доминик. Однако кроме того, что с ней все в порядке, женщина сообщить могла немного.

Пострадавший ей не знаком, сбила его не она, он сам упал с велосипеда, кстати, ехал без каски – может, ударился головой? Когда? Доминик полезла за айфоном. Руки тряслись, открывая регистр звонков. А потом затряслись колени – со времени неудачного вызова «скорой» прошло всего пятнадцать с половиной минут. Долговязый улыбчивый эскулап с невыговариваемой польской фамилией, оказавшийся главврачом, на секунду потерял улыбку, но тут же выставил обратно – видимо, автогонщики уже встречались на его профессиональном пути.

В отличие от спасательницы с безумным взглядом, информации у него было гораздо больше, и он ею охотно делился. На первом стакане воды Доминик узнала, что клиника «Рома-мед» – прямо ракета с вертикальным взлетом в области диагностики нейродегенеративных заболеваний и черепно-мозговых травм. На втором – что пилоты, то есть врачи, здесь тоже самые лучшие, особенно ведущий нейропилот доктор Боно, у которого как раз смена. А на чашечке больничного чая (эспрессо-автомат в баре сломан третий день да при такой концентрации адреналина в крови и не рекомендуется) главврач Яворски поведал самое главное.

На Марс летят не все желающие – только те, кто с билетами. Для безымянных же мальчиков есть государственный приемный покой, куда его, к сожалению, и придется переправить. Немедленно – сделать ему операцию еще можно успеть. Пока еще можно.

Доминик, проглотив остатки чая, посмотрела на врача пронзительным взглядом и полезла в сумку. Дрожащие руки, казалось, вечность выживают портмоне.

– Имя – Рикардо Сантини, четырнадцать лет, оформляйте ваш чертов билет на Марс.

Обмен денег на бумажки в кабинете распорядителя полетов закончился только через час. Направление на МРТ с последующей расшифровкой, квитанции, анкета и договор на оказание медицинских услуг – неровная стопка не влезала в сумку, пришлось свернуть в трубочку.

Доминик вышла во двор и, пытаясь привести в порядок мысли, выкурила одну за другой три сигареты. Она всего лишь ехала к «энтомологу» и случайно оказалась на Аппиевой дороге в тот самый момент, когда «Рикардо» или как его там зовут на самом деле получил этот свой... как же доктор сказал? Разрыв аневризмы сосудов головного мозга. Вот. А потом они чудом ни в кого не влетели, пока добирались сюда.

Получается, жизнь этого парнишки сегодня спасла случайность. Или нет? Ведь это она решила ехать к Алессандро – то есть она сама привела себя на Аппиеву дорогу, так? И сама решила везти пострадавшего в «Рома-мед». И сама... – она ошарашенно-смущенно взмахнула рукой, мол, что уж там, и выдохнула сизоватый дым – оплачивает лечение. Выходит, она спасла человека. Доминик подняла к небу глаза, пытаясь удержать слезы: «Или как?»

Вместо ответа на подбородок упала капля дождя. Облака, утром бледно-сиреневые, за время спасения успели стать густо-фиолетовыми. Вдали предупредительно сверкнуло. Доминик вздохнула и вытерла глаза – философские мысли сменились практическими. «Скоро начнется дождь, и тогда там вообще не проедешь», – вспомнила она булыжники.

Ждать новоявленного сыночка все равно смысла нет – «пилот» сказал, операция продлится часа четыре, а то и все пять, разыскать настоящих родителей можно и позже. В полицию идти, конечно, все равно придется, но с этими ребятами лучше поздно, чем рано, любому целый день промурыжат. «Мудрее сначала навестить Алессандро», – решила Доминик и, кинув отломанное зеркало на кресло, где совсем недавно сидел «Рикардо», тронулась в обратный путь.

Велосипеда на месте падения мальчика уже не было. Серая лента Аппиевой дороги по-прежнему была безлюдна, так что упрекать Доминик за проезд по траве было некому. Словно в дежавю, «Смарт» затащил одно колесо на бордюр, второе, третье, и неожиданно заглох. И несмотря на то, что водительница приложила все усилия, попытки реанимировать железного друга ни к чему не привели.» Место, что ли, тут заколдованное?» – разозлилась Доминик. Или все-таки день?

Она взяла сумку, захлопнула дверцу и зашагала по стертым временем базальтовым камням: гладиаторы не сдаются!

Ливень нагнал – еще даже сигарета не закончилась. Сверху вдруг хлынули тяжелые вертикальные струи, и исторический пейзаж моментально превратился в гравюру самого себя. Доминик в восхищении сделала пару оборотов волчком и побежала к ближайшей развалине.

Развалина, самая высокая из наличествующих, напоминала собой каменную башню над туннелем. Туннель был коротким, метра три, и представлял собой прекрасное убежище от непогоды.

Немного коробил тот факт, что прежде здесь обитали урны с прахом современников Цезаря (из тех, кто с билетом на Марс), но тут уж дареной могиле в зубы не смотрят. Две тысячи лет назад тут вообще не так живописно было: по обеим сторонам от тех же самых булыжников высились кресты – шесть тысяч – по числу распятых на них соратников Спартака.

Кресты представлялись хорошо – особенно, когда очередная молния делала белым весь полукруглый экран туннельного свода. В глазах потом долго темные фигуры мерещились.

Дождь иссяк так же стремительно, как и начался, гроза отправилась на юг, а Доминик – на север, искать виллу под номером 220с. Но не тут-то было. После 220 шел сразу 222, а за монастырем (который вообще оказался без номера) шел почему-то сразу 260. Телефон сообщил, что вошел в зону покрытия, хоть и слабого, однако джипиэс при таком эфемерном сигнале работать наотрез отказался. Ну и ладно, вон как раз кафе на другой стороне, сейчас у народа узнаем.

Столики, стоявшие на улице, по раннему времени были пусты, если не считать спящих под ними многоцветных кошек. Шоколадно-абрикосовые пятна с черными и белыми полосками напоминали рисунки Миро.

Доминик толкнула вальявочную дверь и вошла внутрь. Столов не было, только витрины со съестным и небольшая барная стойка. Позади нее женщина, похожая на добрую сову из мультфильма, вытирала полотенцем стакан. Увидев Доминик, она тепло, по-дружески улыбнулась. Доминик улыбнулась в ответ.

– Здравствуйте, синьора, не подскажете, где тут номер двести двадцать «эс»?

Стакан и полотенце перестали вращаться. Оливковые глаза с интересом уставились на пришелицу поверх очков.

– Добрый день и тебе, Лаура. Хотя мы сегодня уже виделись, и тогда ты вроде помнила мое имя. Но вот как ты запомнила, солнышко, что двести двадцать «эс» – это твой дом?

Доминик, растерявшись на несколько секунд, весело хохотнула.

– Спасибо, что подняли мне настроение! Я б не отказалась иметь домик в ваших краях, но, к сожалению, в моем удостоверении личности обозначен совсем другой адрес. И имя, опять же к сожалению, тоже другое. А еще у меня замечательная память на лица, поэтому я на сто процентов уверена, что вас, моя синьора, вижу в первый раз в жизни.

«Сова», склонив голову набок, изучающе смотрела на Доминик. Во взгляде появилась тревога.

– Может, надо вызвать врача? Ты кроме этого... пробелов в памяти, в целом как себя чувствуешь?

– Благодарю за заботу, синьора, но вы просто перепутали меня с кем-то. – Доминик перестала улыбаться. Если ее перепутали с кем-то из дома под номером 220с, то что же это получается? Похожая на нее женщина живет с Алессандро? Вот вам и рыцарь печального образа, хитроумный, черт возьми, идалго! Сколько же он уже ухаживает за Доминик (ну, ухаживает – громко сказано, в основном на выставки да концерты ангажирует)? Месяца три? Нет, больше – полгода уж, наверное, с тех пор как с ним случился инцидент в лице дочери перспективного заказчика.

А было так: несовершеннолетняя, зато совершенно избалованная особа, единственная наследница нескромных сбережений скромного владельца сети супермаркетов решила стать Дульсинеей. Не просто так решила, разумеется, а после краткого, но вдохновляющего знакомства с архитектором, который возводил продовольственному королю загородный замок. Ей Ловец Бабочек показался прекрасным рыцарем. Наверное, потому, что других рыцарей в окружении папочки не водилось. И пока единственный бесценный экземпляр думал о стропилах и эркерах, Дульсинея измышляла способы сердце идалго поразить.

И регулярно их практиковала: то в бассейн заявится купаться неглиже, то на шею архитектору запрыгнет. Алессандро, как мог, пытался противостоять внезапным атакам и призывал к платоничности, однако благоразумие не входило в число девушкиных добродетелей. Рыцарь был поставлен перед выбором: или пылающая страсть до конца каникул, или рассказ папе про пылающую страсть. С интимными подробностями. Скабрешными. Иди доказывай потом, что Дон Кихот.

Архитектор подумал-подумал, взвесил последствия и выбрал правду. То есть «Всю правду о». Ну а Доминик уж постаралась. Точнее, Джулиан. Он ведь тоже на идалго похож. Если надо. Фото архитектор Дульсинея сам предъявил и рассказал про два варианта: либо тут до конца строительства – институт благородных девиц, либо папа может его по-настоящему устроить, чтобы репутацию дочери спасти. От позора. Всеитальянского.

И вот теперь выясняется, что задекларировавший себя холостым джентльмен вовсе таким не является? Доминик поводила губами влево-вправо. Представить себе Алессандро в роли изменника не получалось. Может быть, эта Лаура – не текущая пассия, а бывшая? Когда-

то, может, и проживала в 220с, теперь – нет. А общепитовский персонал не в курсе. А что? Вполне логично. Это женщины любят разнообразие, мужчины же всегда влюбляются в похожих. Так что ее физиогномическому сходству с неизвестной Лаурой удивляться не приходится. Такой уж, видно, у архитектора любимый типаж. А что бывшая именно сегодня появилась именно в этом месте – так просто мимо проходила, вот и все. Ведь если б у них с Алессандро о встрече была договоренность, он бы ее, Доминик, уж наверное в гости не звал.

Озвучивать свои умопостроения «Сове» Доминик не стала. Женщина определенно плохо видит – вон, какие толстые линзы в очках. Подумаешь, перепутала, зачем же человека в неловкое положение ставить? А дорогу и у прохожих можно узнать.

«Что там на вывеске снаружи было написано? – покопалась в памяти Доминик. Ага, „Бар Лии“. Рискнем».

– Я просто пошутила, Лия. Хотелось рассмешить тебя в этот хмурый день. Могу ли я теперь рассчитывать на чашечку эспresso?

«Сова» недоверчиво свела брови, однако полотенце отложила и направилась к кофейному агрегату. Доминик же, чтобы не продолжать диалог, переключилась на витрины. Из-за стекла ей подмигивали сэндвичи с моцареллой и прошутто, но рядом громко протестовал салат. Рука не поднялась купить ни то, ни другое, взяла в качестве утешения круассан. Без всего. Цельнозерновой.

Ну и гадость. Завернула в бумагу, засунула в сумку – выкинуть после где-нибудь – и попросила счет.

– Круассан и два эспresso – на случай, если ты не помнишь, что исчезла, не заплатив, – мрачно проухала «Сова».

Хорошо, что Алессандро не умяла комплексный обед.

Проводить блиц-опрос прохожих не пришлось – джипиэс ожил и указал верное направление. К нужному дому вела грунтовая дорога, прячущаяся сразу за монастырем. При внимательном рассмотрении на ограде монастыря обнаружилась маскирующаяся под кирпич табличка. Стрелочка – 220 с. Наконец-то.

Забор вокруг виллы Алессандро был каменный, высокий, с малахитовыми прожилками мха. «Наверное, от предыдущих хозяев достался, – подумала Доминик. – Такую аутентичность за пару лет не нарастишь». Сверху вторым этажом разрослись представители флоры. На улицу высывались «руки» с розовыми цветами, кудряшки эдеры и хоботы бугенвиллий. Над припаркованным у ворот «Линкольном» прямо из стены торчал одинокий мак. Неужели Алессандро ездит на этом «Росинанте»? Наверное, да, иначе с чего бы ему стоять у ворот?

Доминик позвонила, крутя головой в поисках камер. Но никаких камер не было – вместо них в выкрашенных зеленым воротах имелось крохотное оконце, которое приоткрылось на миг и снова захлопнулось. Потом заскрежетал замок.

– Ты не представляешь, что случилось. Какой-то пацан... – начала Доминик заготовленную речь и осеклась. В дверном проеме, придерживая створку одной рукой и уперев другую в бок, стояла Мария. В образцово-белом переднике горничной и с заколотым карандашом пучком волос на затылке.

– Что пацан? – И, не дождавшись от онемевшей гостьи ответа, выудила из кармана связку ключей. – Вот, возьмите и радуйтесь! Еле нашла! А все потому, что на столе у вас караул – сам черт ногу сломит. Вот выкину половину, будете знать. Эх, синьора Сантини, сколько мне вас учить, каждой вещи место свое найти должно. Будет в доме порядок – тогда и в голове, глядишь, порядок образуется.

– Мария, а ты что тут делаешь? – кашлянув, спросила Доминик. Мозг пытался отыскать для происходящего какое-нибудь логичное объяснение: Мария подрабатывает у Алессандро

по понедельникам, например. Поэтому такая дурацкая форма – ужасный атавизм, сейчас домработницы носят брюки. К тому же это платье ее толстит.

– Вас дожидаясь, что же еще! Дверь-то кто бы вам открыл, интересно? – Мария выразительно постучала по голове. – Две связки возле дверей висят – для кого, спрашивается?

– А что, синьора Росси дома нет? (Странно, а машина на месте!)

– Это смотря у кого дома. У вас, к примеру, его точно нет. Я вам ужасно сочувствую, юная леди, но из ваших снов он вряд ли здесь появится.

– Из моих снов?

Мария вскинула подбородок и принялась завывать:

– Каким бы счастьем было для меня —

Проснувшись утром, увидеть воочью

Тот ясный лик в лучах живого дня,

Что мне светил туманно мертвой ночью...

Прекращали бы вы уже эти ваши безумства, синьора Сантини. Что толку вирши сочинять, если никто все равно про них не знает? Либо уже откройтесь ему, наконец, либо перестаньте бумагу переводить.

– Мария, ну что за ерунду ты городишь? Какие, Бахус всемогущий, сны? Какая бумага? Прошу тебя, уймись, наконец, со своим сватовством, – отмахнулась Доминик, забирая у помощницы ключи. – Вызови мне лучше эвакуатор, «Смарт» недалеко от виа Эроне Аттико застрял. Да, и закажи такси – раз синьора Росси нет, я только гляну на дом и поеду в офис.

И Доминик направилась к дому по тропинке, выложенной меньшими братьями утренних булыжников. Успела сделать целых четыре шага.

– Какой офис, Лаура? Какой «Смарт»? И что означает – посмотрю на дом? Вы что, с утра его уже забыли?

Сердце словно облили горячим, и оно запрыгало с трехкратной быстротой, расшвыривая кровь по всем направлениям – мгновенно стало жарко, как в русской сауне. Вот как, оказывается, начинается безумие. Когда еще только секунду назад все было понятно, а теперь – вроде ничего не изменилось, но больше не понятно ничего.

– Да не Лаура я! Не Лаура! – Доминик отказывалась сходить с ума. Не в тридцать же лет! Хотя бы в тридцать четыре, как Мерилин Монро, а лучше как Вивьен Ли – в сорок!

Так, что происходит? Существует Лаура, с которой они жутко похожи (Мария не дала бы себя обмануть). Само по себе ее наличие не пугает – встретить своего двойника даже интересно... но страшно, когда этот двойник меняет контуры твоего привычного мира. Или не твоего? Доминик уставилась ошалелым взглядом на единственный имеющийся в наличии элемент ее мира. Мария казалась настоящей, хоть и вела себя престранно. Как это «какой „Смарт“?» – а кто за него регулярные штрафы платит? Уже не говоря про офис, в котором помощница практически живет. И главное – быть знакомой с двойником Доминик и ни разу ей не проговориться??? Значит, что? Это она – Лаура?

Доминик покрутила глазами, примеряя на себя новую роль.

А почему, собственно, нет? Например, в нее попала молния. Незаметно. И вызвала эту странную амнезию. Ведь если большинство (в которое пока входят незнакомая Лия и знакомая Мария) помнят то, чего не помнишь ты, есть некоторая вероятность, что правы они. Хм. И тогда, соответственно, это – мое, – Доминик перевела взгляд на дом.

Он был хорош. Даже живописнее, чем на странице журнала. И стройней – то ли из-за вытянутой вверх щипцовой крыши, то ли из-за почти квадратных блоков вулканического туфа. Блоки обнимали окна с лазурного цвета ставнями, все раскрытые. На втором этаже во всю стену, смотрящую в сторону Аппиевой дороги, шел балкон. Здесь жили растения всех оттенков фиолетового – от глициниевых до пурпура, прямо не цветник, а палитра ее любимых цветов.

Все логично? Нет, не все. В этой теории есть одна серьезная загвоздка – она ведь не потеряла память, она помнит – только другое. Например, что ее зовут Доминик. И квартиру с Амфитеатром Флавия в окошке. И полный обожания голос настоящего хозяина виллы. Женщина выдрала новый пучок травы. Однако ведь должен существовать сценарий, по которому все вот это имеет логичное объяснение – желательно, кроме ранней шизофрении.

И такой сценарий был. Немного странный, но зато все подходило. Она просто переместилась в будущее! Сменила, наконец, нелюбимое имя и выкупила у Алессандро дом. А деньги? Заработала. На том же Сильвио Бьянки. Живет теперь здесь, ходит в соседний бар, все логично. Ну почти все, влюбиться в ловца бабочек – это вряд ли. В общем, теория путешествий во времени заслуживала проверки.

– Какой сегодня день, Мария? – небрежно спросила Доминик, устремив взор к голубеющему слева бассейну.

– Понедельник, двадцать первое мая, дорогая Лаура, и если у вас выходной, то это не значит, что можно с утра напиваться. Ни один приличный мужчина пьющую даму замуж не возьмет!

– Год какой?

– И ваш ненаглядный синьор Росси не стоит цирроза печени...

Доминик обернулась.

– Мария!!!

– Две тысячи шестнадцатый, естественно, какой же еще! – с упреком выпалила помощница и, приставив пухлую ладонь ко рту, зашептала: – А это – Италия. Европа. Планета Земля. Может, вы еще что-то подзабыли, не стесняйтесь, спрашивайте! А потом отправляйтесь, пожалуйста, в кровать. И лучше никуда сегодня не выходите. Вам что-нибудь требуется, пока я не ушла?

– Газета.

Доминик на отяжелевших ногах поднялась по неровным ступеням и взялась за бронзовую ручку в виде льва.

– Хоть какая-нибудь.

Срочно следовало побыть в одиночестве и пораскинуть мозгами. Кабинет – тот, в журнале, был на втором этаже. Доминик, кинув беглый взгляд на гостиную (сиреневые шторы и валики на светлом беже дивана), свернула на деревянную улиточную лестницу. Через каждые несколько ступенек у балясин стояли маленькие горшочки с фиалками. В этой вилле точно живет женщина, – подумала Доминик, – и, судя по цветочкам, не я.

Или я? Ведь если сегодня – это сегодня, то это – не будущее. И сценарий происходящего с ней спектакля совсем другой. Где-то внутри, в районе желудка, как будто разлили уксус. Этот соматический сигнал Доминик был хорошо известен и не сулил ничего доброго. Его еще называют «нехорошее предчувствие».

И первая нехорошость произошла буквально сразу же. Когда до конца лестницы оставалось всего две фиалки, в сумке мини-сиреной затрещал телефон. Доминик подпрыгнула – не от убивающего уши рингтона доисторических телефонных аппаратов (его она сама выбрала), а от мысли, что в этой альтернативной ветке истории работает ее айфон!

– Пронто¹⁰.

– Пронто! Ты меня слышишь? – задыхаясь, заорала трубка незнакомым голосом. – Это конец! Он меня чуть не застрелил! – Шипящий вдох. – Ворвался! Вдруг! С пистолетом! – Всклип. – Не по сценарию! Господи, он убьет ее, он точно ее убьет-е-ет!

Великий Бахус, да это же Джулиан, просто его бархатный тенор сейчас в истерике. И это страшило гораздо больше, чем невнятный текст – за все длительное время их знакомства актер

¹⁰ Pronto – алло (ит.).

ни разу не повышал голос. Но чтобы как-то помочь, перво-наперво следовало вернуть его если не в адекватное состояние, то хотя бы в четко-изъясняющееся.

– Джу-ли-ан, – медленно пропела лже-Лаура, – мы найдем вы-ход. Но только после того, как я начну тебя понимать. Сейчас сделай пять глубоких вдохов – и начни сначала. Все, дыши.

Трубка запыхтела, словно атлет после стометровки. Затем суматошно и сумбурно начала выдавать информацию. Без восклицательных знаков и междометий она выглядела так: Джулиан в компании синьоры с незнакомым Доминик именем Ангелика как раз находились в постели, когда в спальне неожиданно материализовался ревнивый Ангеликин муж. Дальше смутно – крики, выстрелы, прыжок Джулиана в окно. Почти что в костюме Адама.

– Счастье, что я у соседки оставляю ключ. Да о чем я? Счастье, что жив, пощадил Господь! А вот Ангелика? Может, он ее уже убил! Убил, я уверен! Ты бы его рожу видела... Все, это конец, конец! Нам всем теперь конец, Лаура, ты хоть понимаешь?

– Пока не очень, – призналась Доминик. Нет, слова-то были понятны. Смысл ускользал. Некоторые вещи хотелось бы уточнить. Например, кто такая Ангелика?

Трубка, вдохнув со свистом воздух, забыла выдохнуть.

– Как кто такая Ангелика? Ты что, издеваешься? Клиентка наша, твоя то есть – это ты мне велела ее соблазнять! По контракту!

Доминик, похлопав глазами, опустила руку возле фиалки.

– В каком смысле – соблазнять? В контракте никакого соблазнения нет и быть не может!

На другом конце раздалась скребущая пластмассу звуки и уже более бархатный, но полный злости голос сказал:

– Я понял, Лаура. Чистенькой хочешь остаться, а меня, значит, крайним сделать. Вынужден огорчить – ничего у тебя не выйдет! Я все расскажу, если придется, все, чем мы все тут занимаемся. И главное – кто нам всем сценарии пишет. Ага. Так что на твоём месте я бы предпочел разрулить по-тихому это дело, без упоминания моего имени. А я пока прикину, во сколько тебе обойдется мой марафон в трусах. Ариведерчи¹¹!

И отключился. Странная картинка бегущего по улицам в дезабилье Джулиана сменилась онлайн-трансляцией лежащих под ногами фиолетовых лепестков. В горшочке остался только лысый стебелек. Черт. К команде «знающих Лауру» добавился Джулиан. Лаура – Доминик – 3:1.

Куда же она попала? Почему заключает контракты на соблазнение и главное – какие сценарии пишет, что в актеров потом из пистолетов палят?

Перед застывшим в ошеломлении взором появилась Мария. Не произнося ни слова, она всунула в руки хозяйки шуршащую «Ла Републику». Даже одного взгляда на обложку хватило, чтобы понять, что это вчерашний номер, копия того, который до сих пор валялся в джакузи, только без каракулей Серджио.

На всякий случай пролистала до конца, останавливаясь на заголовках: выборы, падающий евро и задержка поездов линии А. Можно сказать, неплохие новости – про научные эксперименты над женщинами под тридцать нигде не писали, про внезапную трансформацию реальности – тоже. Это радовало. Расстраивало лишь, что если свидетельница трансформации одна, то, скорее всего, это изменился не мир вокруг.

– Ну что, убедились, что не вру? – глядя в потолок, спросила домработница. – Если вчера двадцатое число было, значит, сегодня какое?

Доминик положила газету на ступеньку и без слов направилась вверх. Мария говорила что-то ей вслед, однако Доминик не слышала – в голове с оглушительным шелестом рассыпался картонный домик реальности.

¹¹ Arrivederci – до свидания (ит.).

Кабинет Алессандро, который в журнале назвался «аквариум», ощущение фантазмагии лишь усиливал. Царство архитектуры под открытым небом – крыша и три стены были из стекла. Сквозь них (находка фотографа) виднелись модели зданий, чертежный мольберт, на кирпичной стене – огромная белая доска, хочешь – рисуй маркером, хочешь – кино смотри. А главное (в статье прилагался вид сверху) – мечта любого бардакиста – стол с толстой стеклянной столешницей, под которой проглядывали выдвигающиеся веером ящики, тоже прозрачные – сразу видно, где прячется нужный предмет!

Стол был сделан на заказ – Доминик специально поинтересовалась, но желанию обладать шедевром не поддавалась – куда его, спрашивается, девать? Дома она практически не бывает, а в офисе такая хрустальная шкатулка ни к чему – только клиентов отвлекать от дела. Так и попрощалась с мечтой.

А теперь вот встретила. Стол стоял ровно посреди кабинета. Кроме него никаких бывших «обитателей» не осталось, служителей архитектуры заменили священники жизни – книги. Полки занимали всю кирпичную стену, они начинались от пола и шли до самого неба, неохотно уступая небольшое пространство двери. А больше в кабинете ничего не было – если не считать, конечно, прозрачных ваз с ирисами в углах.

Доминик уселась на эргономичный стул на колесиках, прокрутилась два оборота на месте и проехала вокруг стола. Выяснилось приятное обстоятельство – сидеть за ним можно было с любой стороны – достаточно сдвинуть внутренние ящики. Доминик решила проинспектировать их потом, а сначала порыться в компьютере. Если уж где и скрываются ответы на вопросы, то именно там. Однако ультратонкий сейф потребовал пароль, и пришлось довольствоваться в буквальном смысле лежащей на виду информацией. Но вместо разъяснения информация эта только еще больше озадачивала.

Визитки, например. Не белые с тиснением, как у Доминик, а черные с серебряной гравировкой. На одной стороне почему-то пословица «Долг платежом красен»¹², под ней – уравненные чаши весов и меч¹³. На другой, в самом низу – контактные данные: точнее, одно-единственное данное – телефон. Ее телефон. Доминик.

Теперь хотя бы понятно, почему Джулиан до нее дозвонился... не настоящий Джулиан, конечно, а его дубль, живущий здесь. Но почему на визитке нет имени? И что означает этот «Долг платежом красен» вместо «Всей правды о»?

Вздыхнув, Доминик полезла в ближний стеклянный ящик, в котором неровной горкой лежали разноцветные планшет-пакеты. Открыла верхний. На первом листе значилось: «Не со мной, так ни с кем». Это что, название такое? Дальше шел подзаголовок «Главные герои»:

Клиент – Стефано Гарначчи, 36 лет. Холост. Миловиден. Место работы: банк «Парнас».

Лилия Теодоли, 45 лет. Замужем за управляющим римским филиалом банка «Парнас».

Карло Каррота, 29 лет. Очень миловиден. Тренер по йоге.

Экспозиция: Стефано и Лилия, познакомившись на корпоративной вечеринке, вскоре становятся тайными любовниками. В течение года их нечастые, но бурные свидания происходят в охотничьем домике банкира. Организатором встреч всегда выступает Лилия. Стефано не получает никаких обещаний, но он искренне влюблен в более опытную партнершу и радуется

¹² SUUM CUIQUE TRIBUERE (лат.) – каждому воздавать по заслугам (одно из трех правил Римского права, описанных древнеримским юристом Энео Домицио Ульпиано. Полностью звучит так: HONESTE VIVERE, ALTERUM NON LAEDERE, SUUM CUIQUE TRIBUERE – жить честно, не вредить другим, воздавать каждому по заслугам).

¹³ Атрибуты древнеримской богини справедливости Юстиции.

только об одном – повышении регулярности встреч. Все это время он хранит имя возлюбленной чистым, не открывая даже близким друзьям запретной тайны. На 25 мая по случаю отъезда банкира в Милан запланирован трехдневный романтический уикенд, первый после почти двухмесячного перерыва.

Поворотный пункт: за несколько дней до поездки Лилия сообщает Стефано о своем решении расстаться. Отставной любовник, убитый горем, выясняет, что Лилия все равно собирается «на охоту», только уже не с ним. Счастливого соперника зовут Карло, и он работает тренером в студии «РайЙога», куда Лилия ходит по вторникам и четвергам (11.30—13.30). Он видел их вместе в кафе, где возлюбленная подкрепляется после тренировки.

Пожелания к мести:

1. Незабываемая. Сверхэмоциональная.

2. Место: охотничий домик – потому как, если его воспоминания о любовном гнездышке поруганы, так пусть и она при мысли о коттедже думает только о том, что там случилось.

3. Карло должен получить «свое».

4. Заказчик желает видеть спектакль своими глазами.

(Четвертый пункт был обведен шариковой ручкой и снабжен припиской «проблема – отсутствие алиби».)

Решение: мадагаскарские тараканы – доставка 24 мая.

Вопрос: как посадить в постель?

Дата исполнения: 25 мая.

Дальше шли фото дома и техническая информация – адрес, код снятия сигнализации и внутренняя планировка. На последнем листе – в столбик зачеркнутые четырехзначные цифры без каких-либо пояснений.

Отцепив расширенные глаза от сценария фильма ужасов, Доминик перевела их в окно. Что?! Тараканы??? В постель? Серьезно? Оторвав от первого листа краешек, Доминик нашла и положительный момент – отсутствие соблазнения. Других плюсов не было. Может, в другом сценарии найдутся?

Нет, не нашлись. Хотя в следующей папке уже был не хоррор, а комедия, но черная и самого низкого пошиба. В роли клиентов выступали два товарища по гольф-клубу, ссудившие третьему некую очень круглую сумму. И, как часто бывает в таких случаях, вскоре настал конец и деньгам, и дружбе. Имеется в виду дружбе, связывающей клиентов с дебитором, и одолженным ему же деньгам. Потому что между ними дружба как раз окрепла, и тысячи эти были у них вовсе не последние.

И если бы бывший друг показательно сражался с бедами или хотя бы сидел с грустным лицом в компании проблем, они бы, может быть, скрепя сердце, простили ему долг. Однако вместо этого будущая жертва Лауры С. купила себе «Donkervoort». Коллекционный. Открытый. Цвета молодого бордо. С широкими колесами и длинным, словно морда добермана, капотом. Машина, которая кричала: «Я – мечта!». С голландским акцентом.

И докричалась – кредиторы услышали и спать спокойно больше не могли. И вот, надо полагать, в эти бессонные ночи и сочинили жестокий «платеж». Мечта, погребенная под тонной навоза. Чтобы как в кино про Марти МакФлая и Бифа Таннена¹⁴. Клиенты, понятное дело, были Марти МакФлай.

Доминик развернулась на 180 градусов и уставилась на бассейн. Хотелось искупаться, срочно. Смыть с себя все эти нечистые замыслы, как приставшую к коже в ветреный день пыль. Вот, значит, чем занимается Лаура – крупным хулиганством. Никакого театра, никаких актеров, этот кошмар даже не напоминает «Всю правду о». Правильно, сама себе ответила женщина, зато хорошо вписывается в политику «долг платежом красен»: идеальная месть. Оба

¹⁴ «Назад в будущее» (1985).

сценария целят в болезненную точку, но это даже не главное – именно из данной точки и произросла обида заказчика. Хм.

Доминик подошла к виду на бассейн и открыла центральную створку. Ой, какой ветерок свежий! И этот запах мокрой еще травы и уже теплого воздуха – какой бывает только после дождя. Доминик немного посмотрела на небо, по привычке выискивая фигурки в облаках, но сегодня порхали одни крокодилы.

Она уже собиралась вернуться к столу, когда в комнату залетел знакомый голос.

«Черт, почему здесь зеркала нет!» – фыркнула женщина, и тут вспомнила про сумку, в которой находился телефон. Так что, когда дверь распахнулась, она уже источала аромат с подписью Шанель и улыбалась свежей помадой, готовой раскрашивать другие губы.

Однако не пришлось. Серджио смерчем ворвался в «аквариум» с развязанным шарфом на шее и сползающей Марией на руке.

– Я не пускала! Он сам! – скулила домработница. Но за тирадой любовника (бывшего?) ее было почти не слышно.

– Как только в голову пришло такое? Совсем с ума сбрендила, да? Ну сколько же можно? Долго ты нас еще мучить собираешься? Год? Два? Всю жизнь?

Помада непроизвольно сложилась в букву О. Потом в тире. И только потом, без интонации, спросила:

– Кого. Вас. Мучить.

Мария громко вздохнула и на цыпочках ретировалась за дверь.

– Я не пойму, опять наклюкалась, что ли? – с гримасой отвращения поинтересовался Серджио. – Или таблеток нажралась? Если не что похуже...

Тут уже разозлилась Доминик.

– Чтобы говорить со мной подобным образом, нужна очень веская причина, синьор Виллани, – сказала она голосом, в котором было 90 процентов металла и еще 10 серной кислоты.

– Ах, да?! – Журналист покачал головой с горькой усмешкой, словно желая пристыдить хозяйку. – А у меня, значит, не веская?

– Не знаю.

Секунд десять они смотрели друг другу в глаза. Наконец, Серджио зажмурил свои и, не открывая, вытащил из кармана пиджака массивный «Самсунг». Доминик уставилась в экран. Развела пальцами фото, делая покрупнее, потом поменьше, влево-вправо, опять назад. Но мозг все равно отказывался воспринимать увиденное.

На фото был ее собственный дом – с торца. Тот, который с восточной стороны, не занятый рекламой. То есть это он вчера был чистый – или в альтернативном вчера. Сегодня там, растянувшись на два этажа, поселилось лицо Аличе. Даже более красивое, чем на самом деле. Художник, сотворивший это граффити, несомненно, обладал талантом – он сумел воспроизвести даже довольное выражение, какое было у нее вчера при рассказе о группах крови. Сверху портрета, – чтобы было видно и с виа Лабикана, и от Ослиных ворот – красными готическими буквами значилось: «Я украла мужа своей подруги». «То есть, – попытался в очередной раз осознать мозг, – это Аличе украла. Мужа. Подруги».

Доминик подняла глаза на гостя и тихо спросила с тайным желанием не услышать ответ никогда:

– Какого мужа?

– Твоего, – уже безнадежно-спокойно, как объясняют проштрафившейся собаке или кошке, сказал Серджио. – Меня. Такой уж мой статус, по крайней мере, до развода, который еще даже на горизонте не замаячил. Благодаря кому, рассказать?

Он опустил на стул и, вытянув по столешнице руки, уложил на них косматую голову. Голос стал глухим, словно из-под земли:

– Лаура, то, что случилось, случилось. Это не исправить, да и не нужно исправлять. Пройдет время – ты тоже полюбишь кого-нибудь и будешь счастлива. Я прошу тебя, Лаура, я тебя умоляю, не мешай нам, пожалуйста!

Он поднял усталые глаза.

– Да какое мешать! Я рада, наоборот! – искренне призналась лже-Лаура.

Во взгляде бывшего (теперь уж по всем направлениям) появилось недоверчивая надежда...

– Только зачем марать мой дом?

...и пропала.

Серджио тяжело поднялся и взял Доминик за плечи.

– В общем, так. Я не знаю, что с тобой происходит, и не хочу знать. Я устал от тебя, Лаура. И Аличе тоже устала. И поэтому если вот это... – Он потряс сотовым телефоном. – К завтрашнему дню не исчезнет, мы подадим на тебя в суд. Я пришел сообщить тебе это. Ты меня понимаешь?

Доминик хотелось сказать «да». Или «будьте счастливы!» Или хотя бы «приходи позже, когда Лаура вернется домой».

Но Серджио покинул помещение прежде, чем она успела открыть рот. И к лучшему – как вести беседу, чтобы не навредить своему двойнику, Доминик не знала. Обещать за Лауру убрать портрет со стены дома – глупо. Если она другого мнения на этот счет, завтра там появится новый. Она же не знает, что ее уже предупредили насчет суда. Кстати, надо ей каким-то образом об этом сообщить. И больше ничего в этой альтернативной реальности «не трогать».

Лауре, конечно, не позавидуешь, однако пусть сама свои проблемы решает. И с бывшим мужем (подумать только, Серджио – муж!), и с Джулианом. И не потому, что помогать не хочется, она бы с удовольствием протянула «сестренке» руку, тем более что жизнь у них странным образом содержит одних и тех же персонажей. А потому, что как только хозяйка вернется домой, могут начаться проблемы. И меньшая из них – клиника Сан Алессандро¹⁵. Причем трудно с уверенностью утверждать, для кого. А значит, отсюда следует немедленно исчезнуть. Это первое. Второе – надо вернуться «домой». Только вот как?

Доминик рассеянно посмотрела на обкомсанный титульный лист «Стефано против Лили» и оторвала еще кусочек. Что значит, «как»? Тем же путем, каким сюда угодила. Если, конечно, это не молния была. Потому что если молния, то идти просто некуда, разве что к врачам. Но лучше рассматривать перспективные варианты. Которые про то, что назад вернуться можно и возвращение зависит от нее, а не от каких-нибудь инопланетян.

Допустим, где-то по ходу проделанного ею маршрута находится дверь. Такая вот дверь между мирами, с одной стороны – вот это, а с другой – то, куда надо. И все, что Доминик требуется сделать – найти эту дверь и «выйти» обратно, правильно? Точнее, ее даже не надо искать! – Пальцы замели на проспект-пакет белые кружочки. – От больницы, где остался «Рикардо», и до зеленых ворот виллы дверь встретила одна – в баре «Лия»!

Миниатюрные парашютики полетели, дергаясь, в ведро. Только один перед самым приземлением «спасся». Но Доминик уже не видела. Подхватив сумку, она проскочила между книжными рядами и стремглав помчалась по лестнице вниз. Притормозила лишь, чтобы дать инструкции Марии:

– Когда я вернусь, скажи мне разобраться с Джулианом и напomini, что Серджио заходил. Это главное – если шедевр к утру не сотрут, мне придется звонить адвокату. Прямо так мне и передай, хорошо, Мария?

И побежала к воротам, оставив помощницу жалобно кудахтать в спину про забытые ключи.

¹⁵ Психиатрическая клиника в Риме.

Глава 4. Кротовая нора

Половина столиков уже была оккупирована громкоголосыми американцами, и кошкам Миро пришлось поменять дислокацию – теперь они спали на клумбе у самой двери. Доминик взялась за ручку, вдохнула побольше воздуха и нырнула внутрь. Лия, на сей раз с чашкой макиато в руке, лишь подняла кончики губ – хороший признак! Экзамен на мир, который ей предстояло пройти, состоял из одного вопроса.

– Кто я? – с надеждой спросила вошедшая.

– Все еще Лаура, – Лия сочувственно покачала головой и повернулась к лысому мужчине, достающему с витрины сэндвич: – Робби, я тебе говорю, она с утра такая. Надо что-то делать... я не знаю – «скорую» вызывать?

Лысый положил сэндвич в микроволновку и вперил в Доминик взгляд ветеринара – ласковый, однако без малейшего расчета на диалог.

– Зачем же «скорую»? Она не буйная вроде.

Небуйная испустила стон, вполне подходящий буйным, и вывалилась за дверь. Сюрреалистические кошки покосились на нее и снова закрыли глаза. Уже без малейшего оптимизма, а больше оттого, что следующего шага пока не придумалось, Доминик снова открыла резную дверь. Заходить не стала, на пороге ждала приговор. Он, к сожалению, не изменился.

– Лаура. – Роберто приблизился с тарелкой в руке и задушевно предложил: – Может, присядешь, скушаешь чего, а?

Доминик с тоской воззрилась на сэндвич, испускающий горячий сырно-хлебный аромат. Взяла и засунула в рот – а что, сумасшедшим можно, – уселась за свободный столик.

– Я тебе другой сде... ну, ладно, – махнул рукой Роберто и поставил тарелку рядом. – Пить как всегда?

Знать бы еще, что это – как всегда.

– Апельсиновый сок принесите.

– Как всегда.

– Однако, у нас с этой Лаурой похожий вкус, – пробормотала себе вод нос Доминик, вгрызаясь в моцареллу.

– Вы не Лаура.

Женщина медленно повернулась на голос. Через два стола, в тени раскидистого оливкового дерева, сложив руки перед ноутбуком, сидел «Рикардо». Точнее, здешний Рикардо, отличающийся от настоящего кроме отсутствия велосипеда длиной волос. Вместо рыжих завитушек на голове мальчика рос золотистый бархат. Ну и самое главное – этот «Рикардо» был в сознании.

– Офкуфа фы внаеф, фто я не Лаува? – рискуя подавиться, осведомилась Доминик.

– Потому что Лаура никогда не опаздывает.

– Ну и куфа я офоздава?

– На свидание со мной.

Доминик с усилием проглотила недожеванный кусок.

– Я как раз на «свидание» с тобой успела очень даже вовремя, лежал бы сейчас под кипарисом вместо полета на Марс. Кстати, поздравляю, у тебя аневризма. По крайней мере, у «того» тебя.

Мальчик, наверное, не знал, что такое «аневризма», поэтому не изменился в лице. Он молча закрыл крышку ноутбука и бережно засунул его в лежащий на земле рюкзачок. После чего приблизился к столику Доминик:

– Разрешите представиться, милая синьора? Меня зовут Дарио. Дарио Донати, я – друг и сотрудник Лауры Сантини, с которой, по-видимому, что-то случилось. Как и с вами. Если вы

будете так любезны рассказать мне подробности, то я даю вам слово, что сделаю все возможное, чтобы помочь вам и вызволить из беды ее.

Надо же, Дарио. А казалось, ему подходит «Рикардо». Но почему он так по-средневековому выражается? Может, тоже не отсюда?

Однако Дарио был отсюда не бывает – сыном держателей кафе. И лет ему, как выяснилось вскоре, уже 16 – с возрастом Доминик тоже промахнулась. Хотя это как раз неудивительно – на ее орбите в основном крутились взрослые, и несовершеннолетних друзей, в отличие от Лауры, у нее не водилось. И детский труд (еще одно отличие) Доминик в своих постановках не использовала. Правда, характер труда выяснить не удалось – мальчик неопределенно обро-нил «с компьютером» и сослался на профессиональную тайну.

Кажется, ему можно было открыться, этому программисту с тайной. Во-первых, он единственный не сомневался в том, что она и Лаура – два разных человека, а во-вторых, мог про неведомого двойника что-нибудь порассказать.

И Доминик, заказав дополнительно куриный салат (Роберто озабоченно переглянулся с сыном), приступила к рассказу. Начала с утра – как из дома, который отсюда километрах в десяти, отправилась к Алессандро, как он, Дарио, встретился ей на пути и как она привезла его, бесчувственного, в клинику «Рома-мед». Про аневризму рассказала все, что знала, особо выделив факт, что гадость эта никак себя до разрыва не проявляет, поэтому, исходя из похожести наших двух миров, надо бы сделать МРТ.

– Ну вот, а дальше началось странное. Сначала твоя мама назвала меня Лаурой, а потом и моя собственная помощница, Мария. Правда тут, у вас, она у Лауры домработницей служит. На вилле, которая по-настоящему... ну то есть в месте, откуда я, синьору Росси принадлежит. Он ее для себя построил, там еще кабинет стеклянный... не знаю, ты видел? – Дарио кивнул. – Потому что это мастерская его. Была. Ну, ты понимаешь.

– Эту виллу для Лауры тоже синьор Росси проектировал. А кабинет такой дядя Серджио захотел. Между ними тогда все еще хорошо было... Точнее, это Лаура думала, что все хорошо. А он уже ей изменял, – мальчик осуждающе цыкнул зубом, – и с кем! С ее лучшей подругой, представляете? Двойное предательство, вот как это называется!

Доминик согласно покачала головой. С этим поборником чести надо будет фильтровать информацию.

– Лаура очень переживала, из-за подруги в основном. А я не согласен – главный изменщик тут синьор Виллани. Раз женился, надо быть верным до конца, правильно?

– Конечно! Да ты не переживай, в моей жизни «дядя Серджио» как раз на Аличе женат. Уже лет шесть.

– Правда??? – Дарио засунул между губами зубочистку, и она тут же задвигалась в разных направлениях, зато глаза его стояли на месте. – Если люди и здесь, и там одни и те же, – значит, эти две реальности должны быть каким-то образом связаны. Только вот... – Зубочистка остановилась.

– Что только?

– Вы рассказали про синьору Марию, дядю Серджио и тетю Аличе тоже...

– Ну?

– Они, я так понимаю, и у вас, и у нас выглядят одинаково, и зовут их всех одинаково, так?

Доминик задумалась. Серджио, если не считать манеры разговора, был вроде таким же, Мария – чуть полней, а Аличе она видела только на художественном портрете. Но в общем и целом – да, это были они, хоть и с другими «ролями».

– В таком случае, – дедуктировал паренек, – получается, что вы – это Лаура. А зовут вас по-разному, потому что в приюте дали разные имена.

Доминик опешила.

– В каком еще приюте?

– Ну как же? В который вас, ну Лауру, по крайней мере, подкинули родители. Ни записки, ничего при ней не было, лишь цепочка золотая с буквами «Сантини». Она кулон этот до сих пор носит, только цепочку, конечно, подлиннее сделала.

Перед глазами Доминик всплыла золотая цепочка, подаренная родителями на ее десятый день рождения. Единственная вещь, которую она забрала с собой, покидая свое первое жилище. Больше взять было нечего – после кулона других подарков она не получала. Где же он теперь? Наверное, в плетеном сундучке с безделушками – в сейфе с драгоценностями его точно нет.

– Синьора, вы меня слушаете? – всплыл в ушах голос Дарио. – Вы слышали, что я сказал? Доминик сфокусировала взгляд на собеседнике.

– Лаура уехала в ваш мир.

– Что??? – подпрыгнула Доминик на стуле. – Как это – уехала?

Мальчик выплюнул сломанную пополам зубочистку и взял новую.

– Ну может, не уехала – улетела, переместилась, телепортировалась. Но здесь ее нет. Вы – вместо нее. Если в этом мире кроме вашего появления больше ничего не поменялось, а пока мы других изменений не наблюдаем, то можно допустить, что система пришла к равновесию – выкинула Лауру туда.

– А может, наоборот, меня – выкинула? – неуверенно спросила Доминик.

Однако специалист по межмировым теориям это предположение отверг.

– Мама сказала, Лаура была здесь утром, еще до того, как вы пришли. А тут, милая синьора, никаких мостов нет, иначе у нас туристы толпами исчезали бы.

И хихикнул весело, довольный удачной шуткой. Доминик же было не смешно. Потому как доказательств, что туристы не исчезают толпами, на самом деле не было. Кто их потом видел-то? Они же назавтра не возвращаются! Но спорить с Дарио она не стала, важнее было выяснить про мост.

– Мост Эйнштейна-Розена, – охотно пояснил малолетний друг Лауры, стремительно подрастая в глазах Доминик. – Почти гладким образом соединяет две вселенные, два одинаковых пространства-времени. Вытекает из решений уравнений общей теории относительности, описывающие изолированные, нейтральные или электрически заряженные источники гравитационного поля. Если подробнее, то...

– Не надо, – перебила слушательница с вежливой улыбкой. – Просто скажи, как нам поменяться обратно.

– Надо найти самое узкое место моста, которое Эйнштейн называл «горловиной». По факту – это горизонт событий черной дыры.

– Ч-черной дыры??? Бахус, куда я попала, – выдохнула Доминик и зажмурилась.

Это все на самом деле происходит, что ли? Одинаковые пространства-время, так он сказал? То есть там, у нас, есть такой же бар, те же пятно-полосатые кошки, та же тень от колченогой оливы, только другие люди сидят за этим столом? Она открыла глаза. Напротив с восторженным энтузиазмом на лице восседал Рыжик. За ним, словно головки длинноклювых птиц, качались разноцветные бейсболки американцев. Интересно, там они тоже сейчас вопят?

– Да вы не пугайтесь, она просто так называется. Есть и другое название – кротовая нора. И вы своим... э-э-э... пролезанием в нее доказали верность решений уравнений Эйнштейна, в которых четырехмерное пространство-время существует как бы в двух экземплярах, а общими для них обоих является некое кольцо – источник поля. Ну это не суть. Так вот, кольцо это замечательно тем, что можно сколько угодно бродить вокруг него, оставаясь в «своем» мире, однако стоит пройти его насквозь – и попадешь совсем в другой мир, хоть и похожий на свой. Потому что хотя само кольцо сингулярно, то есть кривизна пространства-времени на нем обращается в бесконечность, но все точки внутри него вполне нормальны, и попавшее

внутри тело не испытывает никаких особенных неудобств. Только до сих пор это все это было доказано лишь математически, теперь же...

– Дарио, – вернула молодого гения в реальность Доминик, – так ты говоришь, можно вернуться обратно... математически?

– Без проблем. Надо просто вылезти из норы.

Вот и славно! Доминик практически так и думала, хоть ее фамилия и не Эйнштейн. Нора, дверь, какая разница, в главном она была права – где вход, там и выход. Только вот где они?

Математическое сообщество в лице Дарио ответа на этот вопрос не имело. Поэтому решено было идти эмпирическим путем – след в след «обратно». Тогда, даже если нора невидимая, Доминик выйдет из нее в первом мире (они договорились для ясности называть их «первый» и «второй»). А Лауру, где бы она физически в первом мире не находилась, вселенское равновесие выкинет на то же место, но во второй.

– Мы прогуляемся до «Смарта», – рассуждал добровольный помощник, – если машина там, значит, нора была раньше, а если нет – тогда вы вошли в нее пешком.

У Доминик, однако, по поводу местоположения норы возникла своя версия. Она была практически уверена, что миры соединяла не нора, а туннель. Тот самый, с башней поверх короткой арки.

– Гробница, – хлопнул себя по лбу математик. – Запросто может быть! – Он сложил руки в молитвенном жесте. – О боже, я не верю! Неужели я первый увижу черную дыру? Ну то есть второй...

– Не спеши особо. Там твой двойник на операционном столе. Если он сюда перелетит вместе с Лаурой, но без нейрохирурга, то путешествие для него окажется очень коротким, образно говоря.

Мальчик сглотнул.

– Я тогда не близко к вам пойду, метрах в трех. Так даже лучше – увижу, как вы исчезнете, и буду точно знать, где дыра. Как вы думаете, завтра уже будет можно?

– Врач сказал, неделя – постельный режим, а потом еще реабилитация.

Дарио сник, но ненадолго. В конце концов, важно знать, где проход, резюмировал он, а уж влезть в него всегда успеется.

Более мешкать резона не было. Доминик расплатилась, Дарио получил разрешение проводить Лауру домой, и новоиспеченный тандем отправился искать вход в параллельный мир.

По дороге восполняли пробелы – рассказывали друг другу про свои миры. Отличий, кроме уже известных, не нашлось – «Макдональдс» присутствовал, мигранты из Африки – тоже, Тринита-деи-Монти¹⁶ и там и тут на реставрации.

Из-за обширных познаний Дарио в области черных дыр Доминик, было, заподозрила разницу в общеобразовательной программе, но мальчик успокоил: большинство школьников по-прежнему не особо интересовались квантовыми теориями. Его однокашники уж точно. Несмотря на то, заметил он с упреком, что давным-давно существует телепередача с Морганом Фрименом, где говорят обо всех важных открытиях современности. Доминик промолчала, подтвердить наличие программы она не могла, однако по другим индикаторным точкам настоящее вроде сходилось.

Прошлое тоже было на месте – полуразрушенные надгробия, вызванные в памяти, вполне соответствовали тем, мимо которых они проходили. Хотя, возможно, эти принадлежали только второй реальности.

¹⁶ Церковь на вершине Испанской лестницы, одна из важнейших достопримечательностей Рима.

– Парня с барабаном я с той стороны обошла, точно помню, – показала на античного воина Доминик. – Там лужа была на всю тропу. А на булыжники не решилась наступать – боялась поскользнуться.

– Парень с барабаном – «героический рельеф» называется. Был водружен здесь в конце Республиканской эпохи. Мраморный оригинал, имеется в виду. Он теперь в Римском национальном музее. Это – гипсовая копия.

Дарио иногда подрабатывал гидом и про местные развалины знал все.

– Я облокотилась на руку героической копии вот так, – Доминик вцепилась в камень и застыла на одной ноге в позе падающей балерины. Проходящая мимо пара уставилась на нее с интересом. И тут опять завыл телефон.

Номер на этот раз не определился, но этот низкий голос спутать с другими было невозможно. Доминик засочилась медом:

– Сенатор, мое почтение, как поживаете? Чем могу быть полезна?

– Надеюсь, синьора Сантини, сегодня вы, наконец, порадуете меня.

Судя по голосу, сенатор настроен дружелюбно. Еще бы знать, о чем речь! Хотя, в принципе, какая разница? – рассудила про себя Доминик. Через каких-то десять минут она пролезет в нору, а Лаура вернется домой разбираться со своими делами.

– О, разумеется! Только мне сейчас не очень удобно разговаривать, простите великодушно, давайте попозже обсудим детали, хорошо?

– Так значит – да? Превосходно! – оживился сенатор. – Я не сомневался, что вы примете верное решение, синьора Сантини. Так я жду вас завтра на открытии.

– Непременно. Хорошего дня, – пожелала Доминик уже издающей гудки трубке и кинула телефон в сумку.

Они как раз преодолели изгиб дороги, за которым должен был быть виден «Смарт». Машины не было.

– Вряд ли ее смогли убрать так быстро, – предположил Дарио. – Тут у нас недавно дерево упало – высоченный кипарис. Так целую неделю поперек дороги лежал – никто не шевельнулся даже. Потому что у нашей страны вместо головы – мягкое место. Так папа говорит. Ну ничего, Бьянки все равно на второй срок не изберут.

– Может, и изберут, – возразила Доминик, не отрывая глаз от башни-туннеля, выплывающей из-за гигантской лиственницы. – У нас он, скорее всего, выиграет. «Если, конечно, я вовремя вернусь домой», – это, понятно, уже про себя добавила.

В профиль башня казалась даже более высокой. Хотелось побежать прямо к ней, но приходилось продвигаться зигзагами, обходя уже подсыхающие лужи. В целях исключить «невидимые» варианты, в которые Доминик могла нечаянно вступить, надо было идти по своему утреннему маршруту след в след. Дарио ради безопасности двойника шагнул по другой стороне дороги. Он полагал, что заметить, как Доминик исчезнет, можно только сбоку, потому что сзади она все время будет ему видна. Даже когда оба уже пойдут по мосту Эйнштейна в другую вселенную.

Приблизился, лишь когда достигли античной башни (как объяснил гид, она так и называлась, оказывается – надгробие-башня! Сложена из травертина, второй век).

Прежде чем пробовать межреальностную телепортацию, обменялись контактными данными: Дарио собирался, как только станет можно, навестить свою новую знакомую (пришлось пообещать ввести двойника в курс дела), а Доминик еще предстояло отыскать его родителей – разумеется, там, у себя.

Подождали, пока мимо проедет, трясаясь на булыжниках, неуклюжий «Фиат» и пройдут спортивные деды. На прощание провожающий сфотографировал отъезжающую на фоне «моста» и поцеловал руку.

– Ну ладно, пока, – сказала Доминик и медленно шагнула в арку.

Обернулась – все по-прежнему, поезд еще не ушел. Еще шаг. Еще. Дарио стоял на том же месте, махал рукой. Ладно, чего тянуть? Доминик бодро прошагала каменный туннель насквозь и обошла слева, возвращаясь к входу. Дарио, почесывая золотую макушку, стоял на том же месте. Хорошо хоть молча.

– Может, выходить с другой стороны надо? – предположила путешественница и, уже не обращая внимания на приближающуюся к телепортатору бегунью, зашла в туннель с обратной стороны. До мальчика насчитала ровно девять шагов.

– Это не важно, синьора Сантини, – сочувственно проговорил Дарио, когда она отправилась на третий круг. – Мост должен автоматически вернуть вас на место, с какого бы конца вы не зашли.

– И что же он тогда не возвращает? – с отчаянием в голосе воскликнула Доминик, хотя уже знала ответ: это – не мост. Естественно! Как они вообще могли историческую достопримечательность мостом представить! Это сегодня народу мало – понедельник, опять же, дождь. А в обычные дни здесь полноценный парад победы проходит! Многонациональный. И каждый третий марширующий норовит прикоснуться к кусочку истории, посидеть на нем, внутрь залезть... Если бы этот двух-тысячелетний туннель хоть один день в неделю работал, Рим бы уже переименовали в Бермудский треугольник. Ой. А если он действительно не постоянно работает? Вдруг для перехода какие-нибудь особые условия нужны? Типа какой-нибудь пролетающей рядом с Землей кометы или этих, как их... гравитационных волн?

Дарио, на всякий случай тоже прошедший по бастующему мосту, с теорией про переменный характер работы не согласился:

– Мост точно открыт всегда. Другое дело, что он может не стоять на месте, а двигаться спонтанно по всему пространству вселенной. И в этом случае найти вход не представляется возможным. Мне нестерпимо жаль, синьора Сантини.

Доминик уселась на выступ внутри туннеля и закурила. Мысль, что это, наверное, подставка для урн, не подвинула ее ни на сантиметр.

Она ощущала себя замурованной в чужой реальности, точно останки почивших две тысячи лет назад людей в этой башне. Сидишь, смотришь на проходящих путников, а сдвинуться не можешь. Бахус, какой ужас!

Рядом опустился понурый Дарио.

– Дайте и мне сигарету, синьора Сантини?

– Рано тебе еще курить, – отмахнулась Доминик. – Придумал тоже. Неужели Лаура тебе сигареты дает?

– Нет, синьора, Лаура не курит – у нее астма. И меня заставила бросить, кстати. Обещала, если месяц продержусь, в одном деле помочь. Всего-то пять дней осталось. Да только что уж теперь... Значит, не дадите?

– Нет.

Дарио сорвал колосок с пушистым наконечником и засунул в рот. Помолчали.

– Синьора Сантини, вы, главное, не отчаивайтесь. На этом мире жизнь не кончается, хотя вы, может, так и думаете в данный момент. Лаура всегда говорит: когда кажется, что все плохо, надо найти хотя бы малость, которая хорошо, и держаться за нее.

– Да? И какая же у меня хорошая малость?

– Я. Вы можете во всем на меня рассчитывать. Лаура была моим другом, – голос мальчика стал торжественным и печальным, – а вы в каком-то смысле теперь – она.

Доминик выбила из пачки вторую сигарету, покрутила в пальцах, вздыхая, и засунула обратно – издевательство это по отношению к тому, кто бросает курить.

– Знаешь, что, в каком-то смысле, друг, я – не Лаура!

– Да, – с сожалением согласился мальчик, – но выбора-то нет. Вам придется ею быть.

В тишине тянулись минуты. Доминик не могла себя заставить думать об этом серьезно. Жаль, что это была единственная тема, на которую следовало думать в данный момент.

– И как это – быть Лаурой? – спросила она словно между прочим, словно ее это и не интересовало вовсе.

Дарио усмехнулся и покачал головой:

– Непросто. Но может, у вас лучше получится – вы с ней разные совсем.

Это Доминик уже и сама заметила. По «долгу, который платежом красен», например. Получается, теперь она должна этим заниматься? Мадагаскарскими тараканами и дерьмом??? Лучше пойти повеситься, как Аличе говорит. Бахус, тут даже Аличе нету! Точнее, есть, но она устала от выходок Доминик... точнее, Лауры. Надо как-то привыкать к этому имени...

– Синьора Сантини, – пробился сквозь драматическую музыку спектакля ужасов негромкий голос, – мне скоро на факультатив надо. Давайте обратно пойдем?

Однако Доминик в это «обратно» не хотелось.

– Ты иди, Дарио, а я еще немного тут посижу, – отпустила она мальчика.

Договорились быть на связи попозже и если что – общаться через смс (чтобы родители ничего не заподозрили). Доставшийся в наследство от Лауры друг легким шагом заскользил по тропе назад, а Доминик подожгла отложенную сигарету. Еще одна хорошая малость, подумала, с наслаждением затягиваясь. С новой виллой получается уже три. Может, и прорвемся?

Глава 5. Вот она какая

«Домой» отправилась лишь через час – все бродила между безмолвными надгробиями вперед-назад, пока мозг, наконец, не убедил продолжавшую надеяться душу – выхода нет. НЕТ, И ВСЕ.

И только после этого потихонечку, сначала по капельке, а потом все более мощным ручейком в мысли Доминик потекли планы. Итак, что же теперь делать? Доказывать, что ты – не ты, смысла не имеет, тут Дарио абсолютно прав – она будет Лаурой. Надо проверить, какие документы в наличии, остальное – восстановить. Доминик вытряхнула из сумки портмоне: двойнику не повезло – права здесь, и кредитные карты тоже.

Зато у нее там есть Серджио, который будет счастлив помочь, и Аличе. Однако придет ли ей в голову к ним обратиться? Да это и неважно – они сами ее найдут, телефон ведь тот же! Бахус великий, какой же шок ей предстоит испытать, когда узнает, как обстоят дела в чужой реальности. Что она и есть та самая стерва, которая украла мужа у лучшей подруги. Хотя, Доминик выразилась бы иначе: взяла напрокат, ведь Серджио еще не ушел из дома. Но в принципе, у Лауры есть шансы увести его оттуда. Только для нее это будет значить – получить назад любимого.

Впрочем, судя по полученным от Марии сведениям, у нее и любимый-то теперь другой. И это к нему первому она заявится по своему домашнему адресу. А там – сюрприз: безответная любовь. Точнее, теперь уже не безответная, причем в обоих направлениях, так сказать. В свете этого новая синьора Доминик уж как-нибудь переживет тот факт, что вместо виллы у нее трехкомнатная квартира с видом на Колизей. И достойный бизнес!

При воспоминании о «Долге» настроение, и без того порхающее на уровне земли, вообще сложило крылья. Ну вот почему ей достался этот мир с тараканами, а Лауре – счастливая жизнь? Которую Доминик столько лет для себя строила! Несправедливо. И как же у нее так получилось все испортить? Даже Серджио удержать не смогла. О дружбе с Аличе – спасибо спрей-арту – нечего и думать. Хорошо хоть бабочколов не знает о неразделенной любви к нему, а то от репутации вообще ничего не осталось бы. Хотя, наверное, репутация у нее тут совсем изгвазданная. Как тот «Донкерворт» – в навозе.

Вот с такими пасмурными мыслями Доминик и вернулась на «свою» виллу. Мария ожидала ее с выражением лица сожителей жертвы Альцгеймера.

– Вы просили напомнить, – заорала она, как будто жертва заодно и глухая, – расквитаться с Джулианом. И что надобно выбрать – либо убрать мазню, про которую уже весь город долдонит, либо завести адвоката. Надеюсь, вы сделаете правильный выбор, не зря же я столько лет возвращаю в вас любовь к чистоте. Кхм. Вам что-нибудь требуется еще, прежде чем я уйду?

– Спасибо, Мария. Принеси чего-нибудь попить, что ли. Я к бассейну...

– Топиться?

Доминик рассмеялась. Пожалуй, она забыла сосчитать еще одну хорошую малость. Мария, пусть и в другой должности, но снова рядом с ней. Такой же домкрат настроения, как и всегда, в отличие от совершенно чужого Серджио и неизвестно какой Аличе.

Вода в бассейне была холодная, однако Доминик все равно разулась и, усевшись на бортик, засунула в пощипывающую прохладу обе ноги. Ничто так не поднимает крылья, как вода. Самая простая на свете формула H₂O, а на выходе – волшебный эликсир. Когда надо – успокоит, когда надо – тонизирует. А главное – озаряет. Доминик именно поэтому установила посреди своей бывшей ванной джакузи – лежишь в пузырьках, мысли начинают фонтанировать, булькать и выдают необходимое решение. А бассейн в этом плане даже лучше! Вместо потолка – небо, вместо стен – зеленый забор.

– Вот, синьора.

Около Доминик на деревянный настил опустился поднос. Рядом с початой бутылкой виски лежали ключи от «Линкольна».

– Что это?

– Я оставляю вам только одно из двух, выбирайте. Хотите печень извести – дело ваше, но других людей губить не дам.

«Значит, этот танк за воротами – мой», – констатировала про себя Доминик и расстроилась: и вот как на таком по Риму ездить? О парковке можно сразу забыть.

Но все равно выбрала ключи, конечно. Она виски сроду терпеть не могла.

Как только удивленно-обрадованная Мария удалилась, Доминик сняла одежду и нырнула под колыхавшийся на поверхности кленовый лист. Бр-р, хорошо. Через несколько гребков температура сделалась приятной. Перевернулась на спину. О-о-о, да! Раз назад пути нет, будем устраиваться здесь. Не так уж страшен черт, точнее, «Долг», как его малюют. Надо будет эту шарашку вообще закрыть и организовать «Всю правду о», вот. Ипостась Джулиана она уже слышала, может, и другие актеры в этом мире присутствуют? Поищем.

Но сначала надо «подчистить хвосты» – чтобы не пришлось действительно выбирать адвоката. Что же там натворил Джулиан?

Сделав еще несколько кругов по бассейну, Доминик неохотно вылезла на траву, обещая себе провести здесь вечер в качестве приза за ответ на этот вопрос. Платье надела прямо на мокрое тело – стоять без одежды это вам не плавать нагишом, ощущения разные – и отправилась изучать дом.

В салоне ничего интересного, кроме гигантского пуфа, который менял свою форму в зависимости от позы сидящего. На столике в тонкошейей вазе – невидимые с лестницы гиацинты, разумеется, фиолетовые. Рядом приглашение на инаугурацию виллы, подписанное на этот раз «С.Б.» – Сильвио Бьянки.

Еще одна комната с застеленной кроватью и пустым шкафом, тоже ничего особенного, даже цветов нет. Наверное, гостевая.

Зато кухня поражала с первого взгляда. Доминик не знала не то, что названия, а даже назначения половины приборов, стоящих и висящих на полках вдоль стен. Посредине этой кулинарной мастерской гордо царствовал рабочий комплекс, – назвать это плитой не поворачивался язык. Восемь конфорок, ничего себе! Это на двух-то человек! Когда их еще тут было двое...

Алкоголя нигде не видно – похоже, Мария и правда унесла виски с собой. Неужели у Лауры в самом деле проблемы с выпивкой? Вполне возможно; повод, по крайней мере, есть. Однако вина все равно надо купить, записала в головной ежедневник новая хозяйка.

А вот еды было полно – можно кафе открывать прямо сразу. Зачем она только ходит в Лиин бар? Хлопья, орехи, галеты, мюсли, бочонки с джемом и медом. Холодильник блестит упаковками из фольги и бутылочками с неизвестным содержимым. И на всех этажах – фрукты и овощи. Много.

Доминик озадаченно оторвала полоску от бумажного пакета с грушами. Фрукты должны лежать в нижнем отделении, это каждая хозяйка знает, даже такая нерадивая, как Доминик. Но в выдвижном ящике лежали сладости. Если можно так назвать плитку шоколада с двумя отломленными дольками и щербет. Наверное, по крошке ест, бедная.

Гостя посмотрела на полки уже другими глазами – обезжиренные йогурты, диетические сыры, овощные соки. Лаура вела беспощадную войну с вредными вкусами, а фрукты на переднем фланге призваны были это вкусное от нее защищать.

Думая о том, какие они все-таки разные, Доминик забрала из «тюрьмы» шоколадку и направилась на второй этаж.

Вот и спальня. Кровать прошла экзамен (кинг сайз, с приступкой из-за высоты). Гардеробная. Ничего себе! Шоколадка скользнула вниз из открытого рта, губы еле поймали. Это же ее одежда! Не вся, но много – половина, наверное! Доминик взяла за рукав шелковую рубашку и поднесла к носу. Стиральный порошок «Dash» – как у нее. Надо что-нибудь не свежестиранное. Вот пиджак. Она сняла шерстяной комплект с плечиков и зарылась лицом в подкладку. Запах был ее собственный. Это точно.

Для проверки метнулась к кровати и, помедлив секунду, наклонилась к подушке. Чистая. Черт. Мария, похоже, сегодня как раз генеральную уборку произвела. Ну ладно. Наличие своей одежды в любом случае большая удача. Во-первых, не надо бежать по магазинам. А во-вторых, разве такую красоту на раз-два-три найдешь?

На радостях даже приняла душ в маленькой ванной (шампунь как дома, мыло тоже, полотенца любимого цвета), а дальше откладывать свидание с кабинетом смысла не было. Облечившись в свободную синюю рубашку и белые бриджи, устроилась за стеклянным столом.

Комплект «бумажки для жизни» обнаружился в самом нижнем ящике, до которого утром из-за Серджио дело не дошло. Точнее, полкомплекта – медицинская страховка, документы на дом, диплом театрального института (в отличие от Доминик, специализация режиссерская) и многочисленные членские карты. Кредитки, судя по всему, уехали вместе с хозяйкой. Так же как и права, удостоверения личности и загранпаспорт. Нехорошо. Не то чтобы Доминик срочно за границу собиралась, но возможность выезда иметь хотелось бы.

Еще в том же ящике нашелся договор, заключенный Лаурой с детективным агентством на розыск родителей. Ну да, конечно, Дарио же сказал, что она сирота. Бедная. В том плане, что даже не понимает, как крупно ей с этим повезло. И пусть неизвестно, что пришлось пройти сиротке по дороге детства, все лучше, чем путь Доминик. О котором она даже вспоминать себе запрещала. Не было этого и все. Вот как у Лауры – не было. И решив привлечь Марию к восстановлению недостающих бумажек, Доминик переключилась на насущное.

Компьютер опять предложил поиграть в загадки. Какой же у Лауры может быть пароль? «Долгплатежомкрасен» – попробовала Доминик самое логичное (у нее был «всяправдао»). Неверно. А «пароль»? (В юности таким пользовалась.) Опять нет. Ну не день рождения же, в самом деле? «270786». Тоже нет. Ладно. День свадьбы с Серджио неизвестен. Да и нерелевантно уже. О! Так может, «Алессандро»?

«Добро пожаловать, Лаура!» – приветственно замигал экран. Ну что тут скажешь? Это любовь.

Документы даже искать не пришлось – они выстроились шеренгой прямо на рабочем столе. Причем в относительном порядке – Мария гордилась бы своей подопечной, если б увидела! В одной папке были собраны выполненные заказы, в другой – текущие, отдельно база исполнителей (тут обнаружили несколько знакомых фамилий) и архив неиспользованных идей. Надо будет здесь покопаться, решила Доминик. Потом. Сейчас следовало сосредоточиться на расписании. Ага, вот оно, дело Джулиана.

Моноспектакль, в котором он принимал участие, ставился, как следовало из расписания, сегодня утром. Кроме него, планировались еще две пьесы – «Проучить хулиганов», обижающих хорошего мальчика, и «Кража собаки» – слава Бахусу, это злодеяние на прошлую неделю перенесено. Выкрасть животное Доминик ни за что не смогла бы.

Тема у Джулиана была «Вот она какая». Ну что ж, это хотя бы напоминает «Всю правду о».

Главные герои:

Паола Буффони, клиентка. 50 лет. Разведена. Благовоспитанная домохозяйка.

Федерико Пирелли, 55 лет, бывший муж Паолы. Владелец сети ювелирных магазинов.

Ангелика Долл, 22 года, вторая жена Федерико. Немка. Училась на переводчика-синхрониста в Лингвистическом колледже, но бросила.

Стоп-стоп-стоп! Глаза перебежали в начало текста. Федерико и Паола. Сомнений нет, эта пара ей была знакома! Точнее, Паола – именно она в свое время заказала у Доминик правду о Федерико. Доминик перевела взгляд на стеклянную стену, вспоминая.

Обычный «Счастливый развод» – когда супругу делается предложение, от которого он может отказаться, но не отказывается. Команда Аличе, получив доступ к домашнему компьютеру, быстро выяснила, что «предложение» Федерико должно быть не старше двадцати пяти и говорить с иностранным акцентом. Именно такое он и получил – первокурсница Тициана с актерского факультета чудесно воспроизводила восточноевропейский выговор. Недвусмысленные фотографии были предъявлены суду, и магазинов у ювелирного барона сразу стало меньше.

И что же, теперь та же самая Паола – клиентка «Долга»? Интересно. Было бы еще понятно, если бы мстить явился супруг, а ей-то за что?

Так, где мы были? Экспозиция. На протяжении девятнадцати лет Паола и Федерико строят крепость под названием «Брак», которая со стороны жены гораздо крепче.

Поворотный пункт. Федерико неожиданно объявляет Паоле о своем решении закончить строить эту крепость и начать другую, с другой уже укладчицей, Ангеликой. И хотя новый «фестунг»¹⁷ вот уже год как стоит, Паола не может спать спокойно. Потому что это только наивному слепому Федерико не ясно, какой интерес может быть у нищей студентки оккупантских корней в ювелирном бизнесе. Но близится день, когда он это узнает. И matrimonialный контракт не спасет.

Пожелания к мести:

1. Пусть у него сердце разорвется, у предателя.
2. Чтобы больше на молодых не смотрел даже.
3. Желательно, чтобы прибежал утешаться к Паоле. А она его, разумеется, не пустит.

Решение: нежная дружба с Джулианом, запечатленная не в самых дружеских ракурсах. Если и после увиденного Федерико не «прозреет», то клиентка отправится, наконец, в кровать и попытается заснуть, пусть первое время и со снотворным. Дальше разными чернилами шло «одобрено», «оплачено», «дата выполнения: 21 мая».

Значит, съемка была запланирована на сегодня (причем в постели, Бахус мой!), и вдруг на сцене появился Джанчотто¹⁸? С пистолетом??? Однако нанизать на меч, вернее, пулю, обоих любовников не вышло – один сбежал.

Доминик вздохнула. Надо ехать. Адрес – вот он, в «приложениях»: виа Венесуэла, 5. Хочется, конечно, надеяться, что Джанчотто промазал, но если нет – дело плохо.

Единственное, хоть и слабое, утешение – убийство все-таки произошло не по ее вине. Это Лаура сочинила. Сценаристка, ешкин кот, как сказала бы Аличе. Но радости от этой мысли не прибавилось.

Отыскав ключ зажигания на тумбочке перед дверью, Доминик взяла сумку и поплелась к своему танку. Ничего не поделаешь, будем ездить по правам из другой реальности.

Танк был почему-то оформлен на Серджио... интересно, как же это он его Лауре оставил? Страховка оказалась готова прикрыть любого водителя. Это хорошо. На заднем сиденье обнаружился желтый пакет с документами на развод. Без подписей жены, естественно. Ну, это Доминик не касалось. Пару минут заняло подогнать сиденье и зеркала «по росту» (видно, последней вела не Лаура), и поехали.

¹⁷ Festung (нем.) – крепость.

¹⁸ Джанчотто Малатеста – правитель Римини, убивший молодую жену с любовником одним ударом меча.

К высокой посадке привыкала долго, то и дело смотрела вниз – где там дорога, еще есть или уже летим? Неповоротливое чудище ни обогнать никого не могло, ни подрезать. Ну не такси же брать при живой машине, правильно?

На площади Венеции застряла в автобусной запруде. Под носом шмыгали мотороллеры, «Смарты» и «Тойоты IQ». Хотелось задавить их всех, малявок везучих. От отчаяния задудела, вторя четырехколесным братьям-гигантам. Безрезультатно, конечно, поток машин двигался даже не шагом – ползком. А вот и причина пробки – на дворец Венеции рабочие в серых комбинезонах пристраивали рядом с балконом Муссолини огромный рекламный щит премьер-министра. С неизменным, несмотря на другую реальность, призывом «Наше время пришло».

И кто только выбрал для рекламы такое место? Всего лишь чуть больше чем полвека назад с этого балкона вещал для поднятых вперед и вверх рук фашистский лидер. Что же это у него за планы, у нашего сенатора, уж не метит ли на балкон диктатуры? И вот еще вопрос: что он Лауре заказал? Теперь уже, конечно, не суть важно, никаких «платежей» Доминик устраивать не будет. В крайнем случае – вернет аванс.

Слава Бахусу, с деньгами у Лауры проблем не было. В прикроватной тумбочке Доминик обнаружила двадцать шесть тысяч триста евро (два раза пересчитала, пока приходила в себя). Месть, судя по всему, стоила гораздо дороже правды. Доминик сильно надеялась, что и в случае «Джанчотто» щедрая компенсация поможет уладить то, с чем не справятся другие аргументы. Если, конечно, там еще есть, кого подкупать.

Было. На звонок в домофон ответил раскатистый баритон: «Кто там?» Слишком короткая фраза, чтобы определить, убил сегодня владелец баритона кого-нибудь или еще нет.

– Э-э-это Лаура. Лаура Сантини, – растерялась Доминик. Она уже морально подготовила себя, что ответом будет: «Уголовный розыск». – Надеялась поговорить с синьором Пирелли.

Замок со щелчком открылся. Все еще подозревая, что в квартире с утра орудует криминальная лаборатория и следователь арестует ее прямо с порога, Доминик поднялась на второй этаж.

Однако лысеющий мужчина с прикрытым бархатным халатом животиком вряд ли имел отношение к правоохранительным органам. Придерживая дверь одной рукой, вторую он скрывал в кармане и настороженно смотрел на Доминик.

– Я по поводу Джулиана, – с опаской начала Доминик, боковым зрением выискивая пути отхода. Лифт уехал, а лестничный пролет на линии выстрела.

– А вы ему кто? – хмуро поинтересовался хозяин, и в кармане что-то пугающе пошевелилось.

– Кхм... знакомая. Но я все знаю. – (Эх, не надо было так в лоб!) – И если я не вернусь, – продолжила Доминик твердым голосом, то...

Но предупредить, что Джулиан доложит об убийстве (уже двойном) в полицию, не успела. Лысый расцвел краснощеким пионом и распахнул приглашающе дверь.

– Дорогая Лаура, страшно рад! Почтите присутствием... Пупсик, все нормально, это свои! От Джулиана!

За его спиной тут же возникла юная мадам в пеньюаре с кукольно-круглыми глазами и белыми волнами волос.

– Ой, здрасьте, а мы уж звоним ему, звоним, – затараторила «Барби», – а он трубку не берет и не берет. А по-другому где его искать, не знаем. Он как, в порядке вообще?

Доминик безмолвно хлопала глазами. Происходящее никак не хотело связываться логическими связями с уже имеющейся информацией.

Ювелир расценил молчание по-своему. Подцепив гостью под локоток, он мягко повлек ее в гостиную, усадил в кресло возле столика, на котором стояло блюдо с фруктами, скопированное с картины Караваджо, и два пузатых фужера с вином. Моментально в руке Доминик появился третий.

– Это, без сомнения, было нарушением договора, – покачал седым нимбом хозяин и виновато вздохнул, – но я готов уладить... сгладить последствия травмы... замазать рану, так сказать... Щедро замазать, – пояснил он не являющей признаков понимания Доминик и подмигнул усевшейся рядом Ангелике. – Ведь оно того стоило, а, пупсик?

Жена игриво прыснула и потупила взор. Ювелир заглянул в по-прежнему стеклянные глаза Доминик и вздохнул.

– Виноват. Признаю, виноват. Хотел, чтобы было аутентичней. Джулиан идеально подходил, вы знаете... Теперь он, наверное, не согласится...

Доминик ожила и сделала глоток «бароло». Кажется, никто никого ни убивать, ни сдавать в полицию не собирается, в семье по-прежнему мир да любовь, а Джулиана вообще ждет премия. Осталось лишь выяснить, как он ее заслужил.

– Может, и согласится, синьор Пирелли, смотря только – на что...

– О, прошу вас, Федерико – для друзей... Я чувствую, что могу на вас положиться... Если бы вам удалось уговорить Джулиана вернуться, кхм-кхм, к сотрудничеству... Все то же самое, только в другом антураже. Вы же понимаете, как важен в таких материях антураж...

Про антураж Доминик все понимала. Про материи не очень, но к третьему бокалу и они уже достаточно проявились. Сладкая парочка обожала ролевые игры. И когда по заказу бывшей жены ювелира Джулиан начал делать вокруг «Барби» ритуальные круги, она ему во взаимности отказала, однако без обиняков предложила роль. Надо было, чтобы муж их как будто застукал («О, это непременно условие – как будто!» – подчеркнул ювелир), за оговоренное вознаграждение, естественно.

Тут пазл в голове Доминик сложился окончательно. Джулиан, которому нужны были лишь фото, конечно же, согласился – тем более за вознаграждение. И все шло чудесным образом, пока муж не пришел с пистолетом «не по сценарию» и не начал палить. И разумеется, Лаура была в курсе, поэтому Джулиан после случившегося бросился звонить ей.

Настроение взлетело ввысь, как сверхзвуковой самолет. И не только потому, что адвокат не понадобился, и даже не потому, что роль Джулиана оказалась намного целомудренней, чем показалась, когда в руках были кусочки пазла. Главной причиной явился итог спектакля. Те самые слова, которые Доминик редко слышала в конце своих пьес: «И жили они долго и счастливо». С одной стороны – задание клиента выполнено, с другой – жертва не угодила в ловушку. Барби отказала красивому ухажеру, и бывшая жена сластолюбца, передав ему фото (которые будут напоминать ему и без того незабываемый эпизод), наконец-то успокоится.

Когда Доминик покидала дом ювелира, пообещав приложить все усилия для возвращения Джулиана на сцену, уже стемнело. Она бросила сумку с вещами актера на заднее сиденье и набрала его номер. Гудки. Написала смс, чтобы не переживал, и повела своего тяжеловоза в стойло. Но автопилот развернул на светофоре и покатыл в другую сторону – домой.

Вот уже и ворота Сан-Джованни, базилика, желтый дом. В смысле когда-то желтый. Сейчас во весь торец победно ухмылялось лицо Аличе. «Я украла мужа у лучшей подруги». Прохожие фотографировали расцвеченный фонарями портрет.

Живую шедевр был еще более впечатляющий – Доминик никак не могла наглядеться на эти чуть прикрытые глаза, на вздернутый нос, на кончик уха. Только вчера она не хотела видеть подругу, и как же мучительно не хватает ее сегодня! Хотя, скорее всего, это и не подруга больше. Стоп, а почему же нет? Это ведь она «украла мужа», правильно? Тут вот сказано – у лучшей подруги. А если эта подруга простит?

Воодушевленная, Доминик вкатилась во двор. Мест для парковки было целых два, но оба – для «Смарта». Включила аварийку, закурила, глаза привычно нащупали родное окно. Тоненький силуэт на подоконнике, подсвеченный сзади неярким светом, тоже курил. Казалось, вот сейчас помашет рукой, и все сразу будет если не совсем хорошо, то, по крайней мере, существенно легче.

Не помахала. Сзади нарисовался медвежий контур, и две фигурки слились в одну. Доминик повернула ключ зажигания и, чудом не задев припаркованные машины, вырулила на улицу.

На Серджио она не обижалась (может, потому, что как своего мужчину никогда его не воспринимала), но как Аличе могла оставить ее после стольких лет? Даже вчера, когда подруга поставила под вопрос их сотрудничество, речь шла о работе, не о дружбе. Дружба пострадать была не должна, она ведь стоит отдельно от работы. И от мужчин – тоже.

Однако это Доминик так думала. Лаура же, судя по всему, нет. О ее страданиях рассказывали и крик души на доме, и бутылка виски, унесенная Марией, и что там Серджио утром говорил? «Нажралась таблеток»? В груди заворачивала острыми шипами жалость. Эх, Аличе, Аличе, как ты могла?

Глава 6. Фантастическая псевдология

Проснулась Доминик затемно – у кого-то из соседей вместо петуха затрубил павлин. Две секунды потребовалось мозгу для объяснения, почему глаза видят звездное небо. Вечером она все-таки перетащила пуф из гостиной в кабинет и до своего королевского ложа не дошла. Неподалеку стояла наполовину полная бутылка «Монтепульчано» (купленная вчера по дороге домой) и стакан из муранского стекла. Винных бокалов в закромах кухни не обнаружилось (возможно, это происки поборницы трезвости Марии).

Если первые мысли не выключить в течение минуты, то обратно уже не заснешь. Доминик «точку невозвращения в сон» пропустила. Черный занавес потихоньку синел, белые пятнышки становились серебристыми, потом еще тускнели и, наконец, пропадали в облачных складках. Хотелось лежать так бесконечно, раскинув в стороны руки и ноги, и смотреть вверх. Как в детстве.

На потолок ее маленькой комнаты были приклеены звезды из фольги – и если помахать зажигалкой, то они сверкали и переливались, как настоящие. Только переливались они недолго: появились работы – одна утром, до школы, а вторая – вечером, и зажигалка все чаще оставалась под подушкой всю ночь. Чтобы вскоре уже использоваться только по прямому назначению – для розжига сигарет.

Телефон бодрой гаммой прервал воспоминания – пришло ммс. Одно только слово «Готово» и картинка – канареечный торец. Молодцы, парни! Андреа с его ребятами она отыскала поздно вечером в папке под названием «Специалисты». Поскольку заказ на роспись дома носил личный характер, записей на эту тему нигде не было. Только в разговоре с бригадиром художников выяснилось, что это та же самая команда, которая и создала портрет. Доминик немного беспокоилась по поводу безопасности несанкционированных малярных работ в центре города, но эту проблему уже решила Лаура. По ее совету мастера спрея и трафарета творили в профессиональных комбинезонах строительной фирмы, а вокруг рабочего места выставляли временное ограждение. «Ни один коп не подкопался, – с гордостью сообщил бригадир. – Мы строительную сеть с крыши спустили, за ней вообще ничего не видать».

Следовало признать, у Лауры случались и хорошие сценарные находки. Доминик встала с импровизированного лежака и, прихватив из ванной полотенце, босиком прошлепала вниз на свидание с бассейном.

Вода была еще холоднее, чем вчера, однако женщина все равно поплавала с четверть часа – и чтобы взбодриться, и для фокусировки на хорошем. Сегодня это было проще, наверное, из-за того, что Доминик начинала потихоньку ощущать себя хозяйкой этого сказочного домика. Жилье, даже не самое роскошное, обеспечивает спокойствие сердцу и полет мыслям, что уж говорить про «наследство» Лауры. А ведь могла, чисто теоретически, жить в каком-нибудь дырявом гнезде между рогами черта, и тогда Доминик пришлось бы всю свою энергию направить на поиск приличного скворечника. И вряд ли бы он был сразу с бассейном. Второй причиной улыбки на мокром от стекающей с волос воды лице было наличие какого-никакого плана действий. Сначала с белым флагом отправиться к Аличе, потом потихоньку закрывать дела. На записанные в Outlook¹⁹ встречи придется пойти, конечно, но новые заказы не брать, а если уже работа клиенту обещана – выплатить неустойку.

На сегодня встреча была запланирована только одна – в три пополудни у фонтана Лошадей на вилле Боргезе²⁰. Лаура, судя по органайзеру, за неимением офиса со всеми клиентами

¹⁹ Microsoft Outlook – программа-органайзер для компьютера.

²⁰ Римский ландшафтный парк.

встречалась в общественных местах. Рядом с именем клиентки стояло два слова «pro bono»²¹, это хорошо. Раз работала за бесплатно, можно прекратить когда угодно. Вот с сенатором сложнее – нигде не обнаружилось указаний ни на заказ, ни на оплату. Придется вечером выяснять «ощупью».

Поток конструктивных мыслей прервал странный звук – словно где-то близко ударили в небольшой колокол. Может, здесь церковь рядом? Ага, и что, к заутрене в семь часов зовут? Колокол между тем загудел снова. «Звонок это!» – шлепнула себя по лбу Доминик. Кого несет, интересно, в такую рань?

За дверью оказался Дарио с бумажными стаканчиками в каждой руке.

– Я звонил, синьора Сантини, вы не ответили, – обосновал он свой визит и всунул тот стаканчик, что большего размера, в свободную руку хозяйки (другой она придерживала полотенце, чтобы не сползло). – Латте макиато, два подсластителя, угадал?

– Не совсем. В следующий раз сахар клади, две ложки.

– Бинго! – взмахнул руками мальчик, отчего часть какао из его стаканчика выплеснулось на светлые камни дорожки. – Лаура пьет с подсластителем, вы – с сахаром! Дядя Серджио... – Мальчик сжал кулак. – Здесь влюбляется в синьору Аличе, а там, у вас, он женится на ней! Синьора Мария у Лауры – домработница, а вы вчера сказали, что она служит у вас секретарем!

Хозяйка непонимающе смотрела на возбужденного паренька.

– Ну и что?

– Как – что? Неужели вы не видите особую связь между нашими мирами?

Сделав глоток латте макиато (ужас, связи между сахаром и подсластителем точно не было!), Доминик честно пожала плечами.

– Ваш мир – увеличительное стекло этого! – торжественно возвестил Дарио и раскинул руки в стороны, орошая клумбу остатками напитка.

Доминик вылила туда же и свой – пить его было невозможно.

– Стекло, не стекло, – махнула она рукой, – какая разница? Что это меняет?

– Местоположение выхода, конечно! Вчера мы искали не там!

И юный специалист по параллельным мирам поделился с внимательной аудиторией своей теорией.

Поскольку мир Доминик являлся лупой мира Лауры, то есть находился от него в необратимой зависимости, то и проход по мосту был возможен только в одном направлении – отсюда туда. Стало быть, это не Доминик вошла в нору, а Лаура. И хотя, скорее всего, уже выяснила, где эта самая нора находится, обратно просто не может попасть – как нельзя запрыгнуть с земли на балкон третьего этажа. Сила зависимости, то бишь гравитации, не даст.

Доминик открутила мягкую головку розы с ближайшего куста. Теория увеличительного стекла, конечно, была красива, но женщину больше интересовала практика.

– И ты считаешь, этот балкон можно найти?

– Я уверен, милая синьора! Дело в том, что он не общественный, как я вчера думал, а индивидуальный – только для вас с Лаурой. Я вчера немного почитал про внезапную потерю памяти и нашел кое-что интересное. Феномен истерической амнезии, а точнее – один ее вариант под названием «фантастическая псевдология». Это когда больному не нравятся какие-нибудь факты его биографии или там семейное положение, и они из его памяти вытесняются.

– У меня никакой псевдологии нет, – обиделась Доминик. Развернулась и направилась к дому – от мокрого полотенца начало знобить.

– Я знаю! – досадливо воскликнул мальчик. – И если предположить, что хотя бы у части больных ее тоже не было, то мы имеем приблизительную статистику перехода в параллельный

²¹ От лат. pro bono publico – ради общественного блага; это латинская фраза, означающая профессиональную услугу, оказанную на добровольных началах и без оплаты – в качестве общественной деятельности.

мир. Примерно два человека на сто тысяч. Это соответствует коэффициенту случайности – я имею в виду случайного попадания в дыру. Если бы дыра – где угодно – была общая, этот показатель получился бы на несколько порядков выше. Следовательно, у каждого человека, – а возможно, и не только человека, но по другим биологическим видам у нас статистики нет, – в какой-то точке нашего мира есть свой проход в соседний мир. И от этого прохода у этого человека есть ключ – предположительно, индивидуальный энергетический спектр. Но траектория движения конкретного индивидуума на протяжении жизни обычно такова, что он не приближается к своей дыре. Например, если б ваша дыра была где-нибудь в России или Антарктике, вы бы даже рядом с ней никогда не погуляли.

Они зашли в дом и друг за другом пошагали по лестнице на второй этаж.

– Может, поэтому людям так нравится путешествовать, – предположила хозяйка, оглядываясь на топающего в фарватере Рыжика, – ими движет подсознательное желание найти свою дыру.

Взгляд мальчика хоть и был устремлен на Доминик, однако видел совершенно другое пространство.

– Увеличение и уменьшение не может быть бесконечным. Значит, сцепленных измерений мира только два. Такая модель, с одной стороны, доказывает дуальность всего сущего, – немного замедленно, словно в трансе, бормотал Дарио, – но с другой, к сожалению, отвергает многомировую интерпретацию Эверетта.

– Чего? – Доминик застряла на предпоследней ступеньке, и нос мальчика чуть было не уткнулся в полотенце.

Взлетевшие вверх руки остановились в сантиметре от сиреневых махров.

– Простите. Это интерпретация квантовой механики, которая обосновывает наличие бесконечного множества параллельных вселенных. Ну вот, например, я не знал, что положить в ваш кофе – подсластитель или сахар? И в точке решения вселенные разделились – в этой я выбрал подсластитель, а во второй – сахар, понимаете? В третьей – вообще ничего. То есть все варианты существуют одновременно, но видим мы только один. Как жаль, что многомирие не подтвердилось! – он удрученно покачал головой. – Я был склонен верить в хаотическую инфляцию Вселенной.

– Не расстраивайся! Даже хорошо, что эта твоя теория себя не оправдала...

– Не моя – Хью Эверетта!

– Да хоть Санта-Клауса, все равно. Если бы вселенные расщеплялись по любому поводу, то путешествия между ними были бы невозможны! Пока одной ногой на мост встанешь, глядишь – а уже их несколько, этих мостов! И куда? Нет, лучше пусть будут два мира. И один мост.

Доминик прошагала через спальню в ванную комнату и закрыла за собой дверь. Дарио, семенивший следом, оторвал взгляд от пола и посмотрел по сторонам, явно не понимая, как здесь оказался. Он присел на аккуратно заправленную кровать и снова углубился в размышления. Очнулся от крика из ванной, явно уже не первого.

– ...где балкон? Эй, ты там заснул, что ли? – орала Доминик, постепенно увеличивая громкость. – Ты знаешь, где искать этот чертов мост?

Плеск воды исчез, из-за двери донеслось фарфоровое звяканье баночки крема, стук дверцы шкафчика, скрип полотенца по запотевшему стеклу.

– Этот мост не надо искать, синьора. Я точно знаю, где он.

Щелкнула задвижка. Из-за створки показалось вопросительное румяное лицо с торчащими мокрой соломой волосами.

– В туалете.

– Это единственное место, куда Лаура не заходила никогда. Она миллион раз была у нас, наверное, за каждым столом посидела. И не единожды, – объяснял мальчик, пока они быстрым шагом преодолевали расстояние, разделявшее «Бар Лии» с виллой Лауры-Доминик. Последняя ее хозяйка распрощалась с жилплощадью в кратчайшие сроки – только одела льняной костюмчик да забежала в кабинет уничтожить следы вчерашнего возлияния (чтобы Лауре не досталось от борца с алкоголем почем зря).

– Вы не подумайте, там чисто и бумага есть, папа за этим строго следит, просто у Лауры после приюта пунктик. Не может она... ну, в общественных местах. Если надо, целый день терпит. В больнице даже пришлось палату на три человека оплачивать – у них свободных однушек не было.

– Как в больнице? – остановилась Доминик. Странное появилось ощущение – словно ее каким-то образом это тоже касалось, хотя сама она ни в каких больницах отродясь не лежала.

– В аварию попала в прошлом году. «Смарт» в лепешку, а сама двумя переломами отделилась. Все говорили – чудо.

– «Смарт»? – выдавили непослушные губы. – Фиолетовый?

– Почему фиолетовый? Белый. А потом «Навигатор» купила, но все равно еще долго боялась за руль садиться.

Доминик громко сглотнула. Лаура попала в аварию. Что это означает? Что Доминик ждет кое-что похуже! Ведь если тот мир увеличивает происходящее в этом, катастрофы не избежать. И что делать? Поменять машину? Спасет это или не спасет? О Бахус...

Каменное строение, в дальнем конце которого уютилась уборная, располагалось позади кафе, во внутреннем садике. Снаружи оно было оккупировано бугенвиллией, а изнутри – книгами. На деревянных полках теснились сотни – большие и маленькие, потрепанные и ни разу не открытые, только что народившиеся инфанты и старики, увидевшие свет почти сто лет назад. Основали библиотеку забытые туристами детективы в мягких обложках, а потом и местная клиентура подключилась, так что скоро наружный стенд стал мал для разросшейся книжной семьи, пришлось сооружать полки в техотсеке. Разreshалось не только читать в кафе, но и брать домой, если книга понравилась. А если не хочешь с ней расставаться – принеси замену.

– Может, Лаура того... через книгу какую-нибудь исчезла? – прервала Доминик объяснения Дарио, сняв с ближайшей полки последний роман Дэна Брауна.

Но мальчик порталное²² предположение сразу отмел.

– По классификации Тегмарка на втором уровне параллельных вселенных это было бы возможно, но нужен мир с другими физическими константами. Не наш случай, к сожалению.

Доминик по этому поводу сожалений не разделяла. Вздохнув, она вернула фолиант на место и посмотрела на дверь с затейливой буквой «W». Надо признаться, вчерашняя черная дыра выглядела куда романтичнее.

– Синьора Сантини... – Дарио кашлянул. – Я бы хотел поблагодарить вас.

– За что?

– За то, что вы, несмотря ни на что, возвращаетесь. Судя по тому, как здесь страдает Лаура, у вас там совсем, наверное, беда.

Доминик взялась за ручку двери домой. Похоже, юный паладин полагает, что она из благородства собирается совершить «обратный обмен», не желая «двойнику» своих мучений. А она просто хочет домой. Хотя, если бы в ее мире было хуже, чем здесь, она все равно отправилась бы туда. Наверное. Хотелось так думать. Но вводить паладина в обман на пороге другой вселенной язык не повернулся.

²² Портал – особым образом заколдованный предмет, переносящий магов из одного места в другое в определенное время.

– Если честно, у меня там вообще не беда. И я думаю, если бы у Лауры было больше информации, она бы тоже так не убивалась. Вот она маму с папой ищет, а зря. Просто не знает, что это за родители. Чем такие, уж лучше никаких, – так ей и передай, когда увидишь. И подругу она тоже через незнание потеряла; Аличе не ангел, конечно, но была бы рядом и в горе, и в радости. Просто с ней отдельно надо – дружить, и отдельно – все остальное. А что муж к ней ушел – это вообще не ее вина, Серджио по жизни такой... ловелас гулящий.

– Откуда вы знаете? – нахмурился мальчик.

– Откуда, откуда... – Доминик закатила глаза. – От верблюда! Сама с ним... В общем, пару раз была. Эй, ты чего? Да это все несерьезно было.

Дарио заморгал, вовлекая в зажмуривание все лицо, как это делают дети. Щеки стремительно пунцовели, губы то сжимались в нитку, то надувались, как будто он пытался задержать во рту слова. Но они все равно вырвались:

– Как вы могли?

А больше ничего не произнес. Развернулся и пошел, сгорбившись, к выходу, оставив Доминик наедине с молчаливыми свидетелями необдуманно раскрытого греха. Напротив глаз зловещей черно-красной обложкой вперед стоял кирпич «Инферно». Доминик вздохнула и резко крутанула ручку уборной – бегом из этого ада, домой.

Но бегом не получилось. После пяти заходов в женскую кабинку и двух – на всякий случай – в мужскую, стало ясно, что никакого моста в нормальную реальность здесь нет: творение Дэна Брауна, переставленное для проверки реальности на нижнюю полку, не сдвинулось ни на миллиметр.

Да еще, как назло, приехал автобус с туристами, поэтому проверка помещений растянулась во времени. От расстройства даже кофе пить не стала. Казалось, если ее опять назовут Лаурой, она расплчется. А единственный в этом мире человек, который знал ее настоящее имя, не горит желанием его произносить.

Но главный ужас отсутствия дыры в уборной заключался в крахе теории увеличительного стекла. Эти два мира – никакие не стекла, теперь это было абсолютно ясно; это зеркала! Данная мысль озарила Доминик при размышлении о Серджио. В том мире он изменяет жене Аличе, а в этом – жене Лауре.

Другое доказательство теории зеркал – Алессандро. Там он безответно влюблен в Доминик, а здесь по нему так же безответно страдает Лаура. Или вот взять ювелира Пирелли. В первой реальности жена с ним разводится, во второй – он уходит от жены. Все идеально подходило. Осталось лишь ответить на один вопрос – самый важный. Какой мир из двух – настоящий, а какой – отражение? И для этого совершенно не требовалось много времени: уже усаживаясь в машину, Доминик знала ответ.

Сострадательный мозг, как обычно при наличии страшных ответов, пытался отвлечься изо всех сил. Он сфокусировал глаза на вспорхнувшей с куста птице (может, кошка-Миро подкралась?), велел предательски подрагивающим пальцам включить зажигание (намекая, что управление в наших руках) и настроил уши на радиофонический голос диктора:

– Хорошая новость для тех, кто готовится к выпускным и вступительным экзаменам: кинорежиссер Дэвид Линч прибыл в Италию с целью открыть у нас филиал своего благотворительного «Фонда для идеального образования и всеобщего мира». Фонд занимается сбором средств для подростков, желающих обучиться трансцендентальной медитации, которая, по словам Линча, направляет практикующего к океану чистого знания и дает ощущение счастья...

«То, что надо!» – горько выдохнула Доминик и вернула спасающийся бегством мозг к нелицеприятной реальности. Правда, даже ужасная, лучше слепого неведения... хотя бы тем, что активизирует на борьбу.

Сейчас, конечно, не вспомнить, в какой день бывшая жена ювелира стала клиенткой «Всей правды о», но как минимум год прошел точно. Лаура же выполняла ее заказ только сейчас. А это значит, – женщина завела машину и повернула к себе зеркало заднего обзора – из вытянутого овала на нее смотрели распахнутые голубые глаза, – это значит, что решения принимаются там. Глаза в зеркале закрылись, и мир сжался в тишину салона и шершавость сиденья. «Следовательно, проход может быть только оттуда».

– In fact Transcendental Meditation... – английская речь увлекла не сдающийся правде мозг за собой и тут же была перекрыта итальянским переводом: – Фактически Трансцендентальная медитация – это медитация на мантре, специально подобранной последовательности звуков, которая при произношении оказывает определенное воздействие на организм. Не опасно ли это? – Как смешно: переводчик переводит и мистера Линча, и его интервьюера, не меняя интонации, как в пиратских копиях фильмов! – О, абсолютно безопасно, конечно, если не забывать об общих правилах безопасности, более релевантных для состояния медитативного полета, к сожалению, недоступного для начинающих. Например? – Это, наверное, реплика корреспондента. – Важно держаться в одной среде – в водной, допустим, или воздушной. Также нельзя пересекать границу святилищ: церквей, храмов, кладбищ...»

Кладбищ! Доминик открыла глаза, но вместо разноцветной огады дома увидела траве-риновый монумент. Мост точно там. Если следовать логике Дарио, два человека из ста тысяч никогда бы не нашли свою дыру, если б она просто висела в воздухе. Нет, дыры – это места-магниты, к ним точно подойдешь, не промахнешься. Жаль, что мистер Линч не объяснил, почему именно нельзя заходить на кладбища, в медитативном смысле, конечно. Может, из-за большого скопления людей места эти обладают каким-нибудь особенным энергетическим зарядом? И поэтому там образуется мост Эйнштейна-Розена?

Срочно захотелось поделиться открытием с Дарио, однако юный друг на телефон не отвечал. Скорее всего, потому что больше не хотел быть другом. Так что самую горькую часть зеркальной теории пришлось додумывать в одиночестве.

Доминик не может вернуться в свой мир физически, ибо нельзя запрыгнуть на третий этаж. Остается лишь ждать, пока с балкона спрыгнет Лаура, и тогда, словно на качелях, Доминик вознесется «наверх». Но Лаура не прыгает. Хотя, если она – отражение Доминик, значит, давным-давно выяснила и где машина, и где башня-туннель. Она не возвращается сюда, потому что не хочет. Ей хорошо там.

Глава 7. Я знаю, что вы задумали

Первая в этот день маленькая радость, за которую удалось уцепиться, была почти пустая парковка возле собственного дома, который теперь был домом Аличе. Пока заехала в кулинарию за любимыми кокосовыми печеньями подруги, пока на своем мамонте постояла в утренних пробках, время приблизилось к девяти. Доминик так и рассчитывала – трудовой день в детективном бюро начинался в 11, а Серджио, как она знала по опыту, уже должен был убежать на студию. У свежеекрашенного торца еще стояло ограждение – пока не подсохло, в воздухе витал слабый запах ацетона.

Дверь в подъезд, так же как и в прошлой жизни, несла на себе следы пинков и царапины ключей. Правда, бронзовой таблички домофона с именами жильцов тогда не было, только написанные от руки наклейки на почтовых ящиках. Теперь напротив квартиры номер «23» значилось – Вазари.

Предупредить о своем визите Доминик не стала – если Лаура вела себя неадекватно, ее могли просто не пустить из страха внезапной агрессии. Но открывшая дверь Аличе вряд ли чего-то опасалась. Она стояла, скрестив руки на груди, отчего от призыва «¡No pasarán!»²³ на черной футболке остался только кулак, и выжидательно смотрела на Доминик. За ее спиной простирался знакомый до боли коридор, штукатурку которого и в этой реальности пора было обновить.

– Привет, – улыбнулась гостя и протянула объемистый сверток с логотипом кулинарии. – Это тебе. Печенье. С кокосом.

Взгляд Аличе сделался подозрительным.

– А я уж думала, с цикутой. Что тебе нужно, Лаура?

Доминик вздохнула. Еще вчера утром она полагала, что последующие слова – не сразу, конечно, через несколько дней – произнесет Аличе. Но это было в другой жизни. В этой – по зеркальному закону – придется говорить ей.

– Прости меня. Пожалуйста, – прошептали непослушные губы, и эта сбежавшая из заключения фраза словно открыла затворы и выпустила остальных узников. – Я не думала, что тебе будет так больно, я вообще об этом не думала, – объясняла Доминик совсем другому человеку совсем другую вину. И не могла остановиться. Перед глазами мелькали сцены и образы: вот заботливое лицо Марии, на подносе янтарная бутылка и ключи; вот на фоне книг Рыжик с благодарными глазами: «Спасибо, что возвращаетесь! Она так страдает»; а еще Серджио: «Я устал от тебя, Лаура». Бедная Лаура. То есть бедная Аличе!

– Больше никогда, Аличе, – обещала Доминик, но на самом деле клялась самой себе, ибо в этот момент совершенно ясно поняла, что глупый роман с Серджио – закончен. Впрочем, здесь он, конечно, уже и так закончился, однако даже если бы она могла каким-нибудь чудом вернуться назад – все равно закончен.

– Я желаю вам счастья, обоим! Вы – мои самые близкие люди, – сказала правду Доминик. И добавила: – Но ты ближе, конечно.

В глазах стояли слезы. Мир смазался за колышущейся плотиной воды, которая щипала глаза, нос и немного сердце. Когда же плотина рухнула, заливая щеки, стало видно Аличе, утирающую рукавом свое мокрое лицо.

И дальше подруга переключилась на пшеничную блузу Доминик, рисуя неровные пятна.

– Это ты меня прости, Лаура-а-а, – подвывала она, – не хотела я, но сердцу прикажешь разве? Уж как могла противилась, сколько раз себе говорила, что нельзя, что у меня вон

²³ ¡No pasarán! (исп.) – политический лозунг, выражающий твердое намерение защищать свою позицию.

сколько мужиков было, а тебя только он за всю жизнь и любил. А пришлось выбирать – я и выбрала его. Прости-и-и...

– Да ладно, что уж там, – махнула рукой Доминик, шокированная количеством «своих» романов. И натолкнувшись на изумленный взгляд Аличе, поправилась: – В смысле, постараюсь. Должно все-таки время пройти. Но мы вместе ждать будем, – успокоила она подругу. И еще больше – себя.

Вместе с Аличе и Зазеркалье не страшно! Однако рассказывать правду о своих все-ленских приключениях Доминик все-таки решила погодить. А то так вновь приобретенную подругу и потерять недолго – сочтет еще, что у Лауры крыша поехала, и сдаст, куда не надо. А печенье да извинения сочтет за симптом. Нет уж, пусть пока с Лаурой дружит, а там посмотрим.

Наплакавшись, Аличе развернула нарядный сверток – и чуть не выронила из рук. Доминик специально вложила сюрприз сюда – не хотела, чтобы подруга увидела его раньше. Казалось, так будет эффектнее. И вообще честнее – после важных слов. Хотя насчет честности вопрос спорный. С одной стороны, не очень хорошо за других решать, даже если эти другие – твоя копия, но с другой – копия домой уже не вернется, а ей, Доминик, здесь жить. Так что согласие на развод Доминик дала, считай, на свой.

Аличе принялась рыдать по второму кругу и названивать Серджио. Бывший-будущий муж сетовал, что из-за проклятых предвыборных программ не может прибыть для празднования великого события.

– Для него работа на первом месте, – объяснила Аличе Доминик, вешая трубку. Та понимающе улыбнулась. – Дебаты-фигаты, исполнительный продюсер должен круглосуточно пахать. Слушай, я отпущусь пораньше, отметим вдвоем вечером, а?

Доминик захлопала глазами. «Отпущусь?»

– Сегодня не могу. Иду на прием к сенатору, – покачала она головой.

– О-па... Добилась все-таки приглашения? Поздравляю! Ладно, тогда завтра посидим. Ой, черт, завтра не могу – начальство приезжает, так что у нас образцово-показательный цирк. Давай послезавтра – я наш ресторанчик закажу. А сейчас кофейку. У меня еще целый час есть до смены. – (До смены???). – Господи, хоть немного с тобой поболтать, знаешь, как я соскучилась!

Теперешняя хозяйка квартиры увлекла Доминик на кухню. Плита и шкафчики были идентичны «родным» – видимо, Аличе тоже ремонт не сделала. Но изменения все-таки наличествовали: полосатые шторы вместо жалюзи, раскладывающийся стол и жесткие стулья, привезенные с родины Аличе – Сицилии. С ними Доминик еще по прошлой реальности была знакома.

Под магнитами на гигантском холодильнике проходила выставка фотографий счастливой пары. Однако главное, что отличало аскетичную кухню прошлого мира от этой – неистребимый подругин бардак. Мойка страдала перенаселением, на стульях в несколько слоев громоздились предметы одежды, косметические мелочи равномерно покрывали все горизонтальные пространства. Даже плиту. Видела б это Мария, не чехвостила бы их с Лаурой почем зря!

– А у меня ведь тоже есть подарок, – сообщила Аличе, разливая кофе по фарфоровым чашкам, подаренным Доминик подруге на прошлое (во всех смыслах) Рождество. – Не такой королевский, конечно, как твой, но, надеюсь, порадует.

Она подошла к подоконнику и, порывшись среди исчерканных красным карандашом газет, извлекла прозрачную папку.

– Папашка на своей территории посторонних не жалуется, – видимо, апеллируя к содержанию, прокомментировала Аличе, – поэтому идею с горящими сонетами придется забыть. Охранников нет, но зато на ночь выпускают собак – сожрут твоего Ромео за пять секунд, даже

первую букву зажечь не успеет. Может, конечно, кровью чего-нибудь написать. «Я из-за вас стал пищей для червей», например.

И засмеялась весело. Доминик тоже улыбнулась, хоть ровным счетом ничего и не понимала.

– Я там тебе на всякий случай расписание всех домашних прикрепила. Кроме Джульеттино. Девка, кстати, тот еще цветочек. Три привода, представляешь? И все за «хулиганку». Купалась в фонтане, – разогнула большой палец²⁴ Аличе, – это еще по детству, потом в монастырь залезла, – понятное дело, в мужской! А недавно флешмоб устроила в честь Дэниэла Крэйга. Ну помнишь, в феврале тут очередного «007» снимали? Ну вот, можешь себе представить: полночь, абсолютно пустая виа Номентана, двести полицейских обеспечивают тишину и покой, – вещала подруга, тряся растопыренными пальцами. – Один-единственный несется «Астон Мартин», и тут выскакивают эти, с позволения сказать, девушки – все с плакатами «Чао, Джеймс!». Как только машина никуда не врезалась – чудо из чудес. В общем, если хочешь знать мое мнение, лучше пусть твой Цуккерберг в кого-нибудь другого влюбляется. Понормальнее. Кстати, он там с Тайгером Вудсом разобрался? Заявление не поступало еще.

– С кем?

– Ну с этим, как его, который машину на дружеские бабки купил. Которую Дарио должен был на аукционе продать.

– А-а-а-а, – излишне медленно протянула Доминик, в то время как шестеренки в голове вертелись, словно сумасшедшие. Вот, значит, как он Лауре с компьютером помогает! Ничего себе! А двойняшка-то хороша! Под статью несовершеннолетнего подводит!

– Нет еще. В смысле, передумала я насчет аукциона. Хочу теперь машину навозом завалить, ну как в «Назад в будущее», помнишь?

Аличе секунду молчала, а потом захлопала в ладоши:

– Ты гений, Лаура! Я это всегда говорила! Навоз – это круто! И руки чистые – пусть потом приходит к нам, толку-то: свидетелей нет, улики тоже, полный ажур! Молодец ты, вот правда, молодец! Святое дело делаешь, подруга!

– Да уж какое святое, – вздохнула Доминик. Папа Римский за такое точно по головке бы не погладил. Если б, конечно, знал.

– А как еще назвать? Это из хорошего сделать хорошее нетрудно, а из плохого поди попробуй! По мне, сокращение зла – самое благородное дело, какое только есть. Я лично по этой причине с тобой и спелась.

– Ну твоя работа тоже зло сокращает, – осторожно заметила Доминик. Не похоже было, что Аличе здесь держит сыщицкое агентство. А чем тогда занимается?

– Это конечно, – согласилась подруга, – поймать преступника – лучше, чем не поймать, но разве наказание причиненное зло сокращает? То-то и оно. Пока мерзавцы в тюрьме сидят, злодеяний не совершают, это, безусловно, плюс, а потом? Многие выходят еще более жестокими, чем заходили.

– Грустно, – кивнула Доминик. Так, вроде бы ситуация проясняется. Аличе до сих пор работает в органах. Надо же, какая в этом мире задержка!

– Еще как грустно. А всего грустней, что всю эту неправильную систему фиг изменишь. Точнее, изменить-то можно, только для этого ох как высоко надо сидеть. А мне в самом смелом сне даже до нач. участка не допрыгнуть, – закручинилась подруга и запихала в рот очередное печенье. – Хотя, с другой стороны, туда и смысла прыгать нет: нач. участка – сошка малая. Для злоупотребления служебным положением никакого простора!

– Да уж, наверное, побольше, чем у тебя, – чтобы не молчать, бросила нейтральную фразу Доминик. Уже стало ясно, что Аличе по рангу ниже.

²⁴ Итальянцы при счете разгибают пальцы из кулака.

– Не скажи, – фыркнула подруга. – Кто ж ему сводки на стол кладет, думаешь? Правильно, инспектор Вазари, а копию – себе. Тебе, то есть. Маленькое нарушение, большой результат! Погоди минутку.

И, заговорщицки подмигнув гостье, Аличе удалилась за дверь. Доминик смотрела ей вслед, преглупо хлопая глазами. Начавшая складываться в мозгу головоломка снова разлетелась на отдельные детальки. Зачем ей, – то есть Лауре, конечно, – полицейская сводка? Какое отношение может иметь «Долг» к криминальным новостям? И уж совсем не понравилось про нарушение, которое ведет к результату. Эта тема недавно уже поднималась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.